

Г.А. Мурашев

ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК

Биографический очерк о многотрудной жизни и деятельности Почетного академика Петровской академии наук и искусств Галины Константиновны Тавлиновой, которая на **93**-м году своей жизни пишет очередную книгу "Вьющиеся и ампельные растения".

© Г.А. Мурашев, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Жизнь-подвиг	5
2. Детство.....	7
3. Учеба в вузе	39
4. Война.....	44
5. Лесотехническая академия	61
6. В стране Суоми.....	77
7. Во Франции.....	81
8. В Англии.....	86
9. В Германии	93
10. В России.....	99
11. В Прибалтике.....	106
12. Во Львове.....	113
13. В Карпатах.....	117
14. В Белоруссии.....	120
15. Издательская деятельность.....	123
16. Список опубликованных работ.....	125

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как белых яблонь дым.
Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Сергей Есенин*

ЖИЗНЬ - ПОДВИГ

Люди привыкли к тому, что подвиги совершают мужчины. И если вдруг подвиг совершает женщина, это становится сенсацией. А если эта женщина еще и из Лесотехнической академии, самой мирной, самой беззащитной, сенсация удваивает свою значимость.

Галина Константиновна Тавлинова попала в поле моего зрения не сразу.

Будучи председателем Совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов, целых десять лет я вынужден был искать фронтовиков и блокадников Лесотехнической академии методом опроса. Опрошу одного, другого, третьего. Просил при встречах сообщать мне, кого мы не отыскали, кого забыли.

После очередного недолгого разговора я понял, что речь идет, по сути, о человеке-легенде. Посудите сами: родилась за десять лет до Великой Октябрьской социалистической революции. Пережила первую мировую, гражданскую, Великую Отечественную войны, две революции, коллективизацию, блокаду Ленинграда, восстановление разрушенного войной хозяйства, затем была преподавательская деятельность и... бесконечная научная работа.

А когда я рассказал ветеранам на одной из встреч о жизненном подвиге Галины Константиновны, назвал число специалистов, которых она подготовила за годы преподавательской работы, о деятельности ее в годы блокады, о том, что она выходила на подводной лодке в открытое море... и попросил ее встать, раздались аплодисменты. Скромная, молчаливая, Галина Константиновна затерялась среди полутора сотен профессоров, доцентов, преподавателей. Ее не заметили даже те, кого она в свое время учила, с кем работала на одном факультете. И когда она приподнялась где-то в середине громадного застолья, ветераны повскакивали со своих мест, бросились к ней, стали обнимать, целовать и ... плакать. Добрых десять минут я не мог навести порядок за столом. Признательность, любовь, уважение, которые так бурно выразили профессора и доценты своему преподавателю, не были наигранными. Это было искренне и красиво и позволило мне произнести:

- Дорогая Галина Константиновна, Вы не имеете орденов, высоких государственных наград. Но Вы имеете самую дорогую награду - любовь народа.

Детство

Я долго размышлял над тем, как преподнести читателю этот материал - писать в виде повести от своего имени? Можно. Но в рассказе моей героини столько тонких и точных наблюдений, что я просто не сумею учесть их все, пойду по пути сокращения, и это обеднит материал. И я решил предоставить ей слово, и думаю, что не ошибся. Итак, слово нашей героине.

* * *

Родилась я 30 октября 1907 года (по новому стилю) в Санкт-Петербурге. Отец мой Тавлинов Константин Петрович по окончании института железнодорожного транспорта всю жизнь проработал на железной дороге. Мама, Лебедева Екатерина Епенетовна, получила профессию зубного врача, но проработала недолго и затем целиком отдалась воспитанию четверых детей.

Получив назначение, папа повез нас в Царицын.

От проживания в Царицыне у меня осталось два ярких воспоминания. Первое: как папа учил маму кататься на коньках. Папа, потомок чеченского горца, великолепно катался на коньках, мама - сибирячка, совершенно не умела кататься и по-моему так и не научилась до конца своей жизни. Папа часть двора заливал водой, делал каток, давал маме в правую руку метлу, за левую подхватывал сам и пытался ее прокатить. Но из этого ничего не получалось. Мама падала, все смеялись. А я, стоя возле окна детской, больше всех.

И второе воспоминание связано с моими мечтами о принце. Обвив голову цветущей повеликой, росшей вдоль забора, я воображала себя сказочной волшебницей. Забравшись на ветку росшего в углу двора дерева, закрывала глаза, представляла, что сижу на берегу сказочного озера и ко мне на лодке подплывает сказочно красивый принц. Но... эти мечты, как правило, разрушались строгим голосом мамы:

- Галя, иди кушать!

А когда я сползала с дерева и подходила к ней, она заламывала руки и причитала:

- Боже мой! На кого ты похожа! Вся измазана зеленью, волосы перепутаны, руки грязные. Как тебе не стыдно?! Сейчас же иди умойся и причешись.

И еще помню из того периода, как папа купил громадную шубу и надевал ее, когда ездил на заготовку шпал.

Там же, в Царицыне, он купил всем нам белые красивые, аккуратные валенки. Принес оригинальные расписные матрешки, которые вкладывались одна в другую. Дома появились деревянные шкатулки для хранения лайковых перчаток, галстуков, носовых платков; настенные декоративные полочки для установки на них вазочек, статуэток, кувшинчиков с цветами; игрушки типа "ваньки-встаньки", мужичка, который пилит дрова; большие деревянные раскрашенные яйца в виде нынешнего киндер-сюрприза, с барашком или козочкой внутри; коробочки из бересты с красивым рисунком снаружи и с вкладкой внутри; деревянные фистульки, трубочки, большие и маленькие расписные ложечки, поварешки, чашки, кружки.

Из Царицына мы переехали в станицу Пещеноковскую. Пробыли там недолго, но в памяти остался большой мрачный дом, окруженный деревьями, мешавшими проникновению солнечных лучей в окна.

Наконец, мы приехали в Крымскую. Вот тут для меня наступило раздолье. Моя горячая кровь, унаследованная от отца, не давала мне покоя. Я должна была бегать, прыгать, лазить по деревьям, драться. У меня уже были сестренка и два братика. Они еще были малы, и я играла с соседской девочкой Михалиной. Мать Михалины работала у отца в конторе. Утром ее приводили к нам, вечером забирали. Вот уж с ней я отводила душу. Разумеется, все шалости исходили от меня. Я любила играть в серсо: деревянной палочкой катишь тонкий деревянный обруч до определенного места. Кто докатил, тот и выиграл. На кон ставились яблоко или конфетка.

Другая безобидная игра, это когда палкой выбрасываешь кольцо, а противник должен такой же палкой поймать его. Любили скакать через веревочку-скакалку - кто дольше

скакал, тот и выигрывал. Играли в классы, переталкивая камушек из квадрата в квадрат.

Вместе с папой и мамой мы ездили на базар за продуктами. Базар был огромный. Мне казалось тогда, его и за целый день не обойдешь. Располагался он рядами. Вот ряд повозок с живностью: визгливые поросята, кудахтающие куры, кричающие утки, гогочущие гуси. А рядом мычали коровы, ржали лошади. Вокруг пахло сеном и лошадиным пометом. Продавались диковинки вроде цесарок, павлинов, белоснежных ангорских коз. Следующий ряд образовывали телеги с мясом, выпотрошенными курами, индейками, поросятами. А кругом галдели казачки, зазывая покупателей.

Затем шел "ароматный ряд". Здесь в трехлитровых бутылках, банках, баночках продавалось ароматное постное масло, только что приготовленное из семян подсолнечника. Масло было светлое, темное, в зависимости от способа приготовления.

Рядом с ароматным рядом располагались казачки со снедью. Они продавали булочки, бублики, баранки, караваи белоснежного хлеба, пампушки, пирожки мясные, морковные, с капустой, требухой, жареное мясо, шашлыки, пельмени, ушки. Всего не перечислить. Ну, а чтобы пища шла легче, тут же продавался квас, пиво, и конечно же водка-самогон ка.

Достаточно пройти несколько шагов и попадаешь в царство зелени. Это так называемые "зеленые ряды". Здесь продавались по сезону огурцы, капуста, перец, лук, яблоки, сливы, груши. Причем все свежее, первоклассное, сорванное с дерева перед самым выездом на базар. Тут же можно было купить орехи, семечки, фундук, леденцовые конфеты в красочных обертках. Свежий янтарный мед радовал глаз. Соты сами просились в рот. А красные арбузы, дыни, тыквы дополняли и завершали эту красоту.

За зелеными рядами расположились ряды с обувью и одеждой. И чего здесь только не было! Шали пуховые до такой степени тонкие, что любую можно было продеть через обручальное кольцо. Две таких шали купила мама. И так приятно было в них завернуться, особенно если занеможешь. Продавались варежки из грубой шерсти, перчатки, носки, чулки, панталоны, юбки, кофты, нарукавники, платья, тулупы, жилетки, повязки.

Не забыты были и лошади. Ременные уздечки, кнуты, сбруя, подпруги дуги, вожжи. Все здесь было. Почему я помню, потому что папе полагалась лошадь, а я особенно любила править. Правда, из этого ничего не получалось. Лошадь, почувствовав, что я брала вожжи, переходила на медленный шаг, и как бы я не кричала "скорей!", не реагировала.

На базаре же продавались линейки, экипажи, телеги, сани, розвальни. Курево, очень любимое казаками, заполняло табачный ряд. Но в те ряды мы ходили редко, потому что там пахло махоркой и часто случались драки. Казаки дрались с иногородними. Это у них было в крови. Свободолюбивый народ, они не уступали в темпераменте чеченцам. И дрались не на жизнь, а на смерть. Избитых в кровь их растаскивали товарищи, но никто и никогда не считал себя побежденным.

На юге России еду готовят в глиняных горшочках и чашах. Каши, борщ, тушеную капусту, тушеное же мясо. Поэтому были здесь ряды и с глиняной посудой. И какой только посуды здесь не было! Расписные тарелки, плошки, крынки для хранения молока. Крынки обычно ставили в русскую печь или духовку. Получалось изумительно вкусное топленое молоко с румяной корочкой сверху. Бадьи для засола мяса, хранения меда, варенья.

В Ленинграде глиняную посуду не используют. Этому мешает сырой климат. Глиняная посуда здесь может отсыреть и окислиться. И это вредно для здоровья.

Был здесь ряд и с мебелью: скамьи, табуретки, скамеечки, качалки, столы, детские кроватки, а также коромысла, бочки, бадьи, плетеные корзинки, причем корзинки самого разного предназначения: для сбора ягод и укладки стираного белья.

Многое изменилось за 90 лет. Теперешние молодые люди и не слышали о таких

предметах, без которых невозможна была жизнь, как например, кочерга, ухват, рогач.

Другими были и утюги. Один тип: утюг с железной ручкой, который раскаляли на плите;

другой - с открывающейся верхней частью в виде крышки с ручкой и поддувалом. В утюг насыпали древесный уголь. Он мешками продавался для разогрева утюгов и самоваров.

Уголь разжигали бумагой или топкими лучинками. Через поддувало уголь разжигали, разогревали утюг и гладили. Самовар разогревали точно так же. Сверху насыпали угля, разжигали лучинками, затем обычным сапогом раздували и с помощью вытяжной трубы вызывали горение угля.

Любопытно готовилось мороженое. Кстати, вкус - бесподобный! Сливочное, шоколадное, фруктовое. Для его приготовления имелась бадья с ручкой. В бадью ставили круглый, оловянный сосуд с крышкой. Внутри его была мешалка. Готовый раствор заливали в сосуд, закрывали крышку, обкладывали льдом. И затем начинали вращать ручку. Готовое мороженое выкладывали на глубокие тарелки и подавали к обеду.

Забыли мы керогазы, керосинки, нефтяные форсунки, особенно ценимые в годы революции и в годы войн. После свечей появились керосиновые лампы. Лампы были для спален, для столовых на подвесных металлических цепочках. Эти лампы можно было поднимать, опускать, в зависимости от того, что надо было осветить: только стол или зал.

Комнаты отапливались печами. У нас их было шесть. Дверки печей выходили в коридор. В комнаты выходили лишь кафельные их стенки. За топкой печей следил, впрочем, как и за лампами, Джамалудип, человек вроде управляющего домашним хозяйством, но по сути -слуга. Печное отопление всегда было лучше парового, Чуть похолодало - протопил печку и порядок. Так радостно было прижаться к чистой кафельной стенке. Кафель был разрисован, и печь в комнате была даже украшением.

Я помню, как тихо мерцала лампадка с зажженной свечкой перед иконкой Божьей Матери. Мама, уложив меня в постель, целовала на ночь, и я засыпала. Это были сладкие детские сны, золотое безмятежное детство.

Другим, ярким после посещения базара, впечатлением была поездка на охоту. Отец был страстным охотником. Он привозил уток, куропаток, перепелок, зайцев, голубей. Особенно интересной была охота на голубей. Их отстреливали не в лет, а сидящими плотными рядами на проводах, но если голуби, почувствовав опасность, взлетали, папа не стрелял. Не знаю, почему, может потому, что при этом создавалась удивительно красивая картина: в ясном синем небе летит серебристо-голубая стая, а внизу колышутся, переливаясь золотом, нескошенные поля пшеницы? Может быть. Папа был тонким знатоком природы.

Домой мы возвращались усталые, голодные, возбужденные, радостные. Нашей радостью переполнялся дом. Все были веселы, добры, общительны.

Еще помню поездку за раками на речку Абинку. Это в нескольких километрах от станции Крымская. Нас сопровождал перс по национальности Парвиз Мирза, инженер по образованию, папин помощник. Он был добрым и часто дарил мне подарки. Однажды из Италии привез изумительно красивый перламутровый веер, Я храню его по сей день, и когда на меня нисходят воспоминания, вынимаю его и наслаждаюсь. Увы, идиллия детских лет прошла безвозвратно.

Парвиз вместе с кучером заходили в речку и руками вытаскивали из-под коряг раков. Дома живых раков обмывали, укладывали рядами в огромную кастрюлю, перекладывали свежими побегами укропа, солили воду и ставили на огонь. Совсем скоро раки были готовы к употреблению. Красные, они выкладывались на широкие блюда и выставлялись

на стол. Подавалось холодное пиво и начиналось пиршество. Потом, много лет спустя, мне доводилось бывать во Франции, есть лангустов, омаров, устриц, в Москве в ресторане "Пекин" есть лягушачьи лапки, в Ленинграде - крабов, но вкуснее нежных, сочных, слегка солоноватых раков я никогда и ничего не ела. Возможно это детское воспоминание? Может быть. Случается в жизни и такое. Но больше я такой вкусной пищи уже не ела.

Интересны были поездки в плавни. Узкая дорога, обрамленная посадками ивы, образующими настоящий зеленый свод. Кругом вода, камыш. Фантазия уносила меня далеко-далеко, к водяным и лешим. Я ведь была фантазеркой...

* * *

1916 год. Мне десять лет. Я - школьница. Поскольку школа размещалась непосредственно в станице Крымская, а мы жили на станции, в трех километрах, да еще за двумя тоннелями, нас, пятерых ребят, детей рабочих и служащих, возили на лошадях. Весной и летом - на телеге, устланной сеном, а зимой - на санях-розвальнях, укрытых овчинной шубой. Я возвращалась усталая, голодная и нередко злая. Отобедав, садилась за уроки. Училась я средне. Много шалила, меня часто наказывали, ставили в угол, писали замечания в дневнике. За это мне доставалось еще и дома.

Папа, конечно, жалел меня, и я не единожды пряталась под его крылышком. Поругав, он, тем не менее, брал меня с собой. Особенно я любила ездить с ним на дрезине. Он сам вел дрезину, проверяя состояние дороги, стрелок, шпал, насыпи. А главное - состояние тоннелей. Кстати, служить там было не просто и ...опасно. Чеченцы - народ горячий, способны на все. Поэтому тамошний хозяин частной Владикавказской железной дороги известный по тому времени магнат Окерблом хорошо оплачивал труд и создавал прекрасные условия для жизни и работы. Пана от своего отца унаследовал гордость, своеволие, смелость, дерзость, заносчивость. Все это передалось мне. Я была неуступчива, не прощала зла. Но если уж убеждалась в порядочности человека, делилась, как это делал и папа, последним.

Поездка на автодрезине была еще опасна и тем, что можно налететь на встречный поезд. Именно так погиб папин предшественник, не успевший выскочить из дрезины. Но папа всегда был в форме, никогда не допускал ошибок. И мы летели вперед, любуясь мелькавшей панорамой: лес, поле, переезды, станции.

И все-таки папа однажды едва не погиб. Он на ходу поезда прыгнул на последнюю площадку вагона. На нем был длинный развевающийся черный плащ. Плащ зацепился за колесо и его потянуло вниз. К счастью, рядом оказался специалист, он рванул за тормоз и, ухватив отца за плечи, поднял его на тормозную площадку. За спасение папы он был награжден начальником дороги.

Хороши бархатные ночи юга. Помню, ехали мы с мамой и папой из Новороссийска. Мягкий вагон скорого поезда. Окно открыто. Тепло. Мимо проносятся силуэты деревьев, переезды, редкие огоньки на фоне черного неба. Ночь тиха и благоуханна. До моего слуха доносятся птичьи голоса. Впрочем, может это были сверчки? Я заморожена мириадами летающих в ночи светлячков, ярких, красивых. Они делали ночь сказочной и красивой. Если удавалось поймать светлячка, он затихал в руке и погасал. Но стоило выпустить его па волю, как он снова начинал светиться и гореть. Ночь, блеск летающих фонариков-светлячков, благоухание пролетающей мимо природы до сих пор хранятся в моей памяти. Сколько подарила мне жизнь этих прекрасных воспоминаний!

Особенно радостными были воспоминания, связанные с новогодней елкой. Папа был мастер на выдумки.

Запомнилась самая большая и самая красивая елка, когда из Питера приехала мамина

сестра тетя Нюра, курсистка женских курсов. Елка стояла в гостиной за закрытыми дверями. Весь вечер возле нее крутились взрослые, не пуская нас, детей, посмотреть на лесную красавицу.

Но вот наступило и наше время. Папа раскрыл двери, и перед нами, ошарашенными, другого слова и не подберу, во всей своей первозданной красоте предстала красавица елка. Сверкающие шарики, пестрые птички, горящие фонарики, зверюшки, хлопушки, серебряный дождь... Чего только на ней не было! А под елкой на рассыпанном конфетти стояли дед Мороз и Снегурочка.

Потом тетя Нюра, собрав нас, детей, вокруг себя, стала показывать фокусы. Брала чистый лист бумаги, произносила какие-то заклинания вроде "буди вуди явись к нам, принеси подарок...", что-то делала руками и вместо чистого листа бумаги появлялись или игрушечный мишка, или птичка, или хрустальный башмачок. И все это у нее получалось ловко, незаметно, неуловимо.

Затем мы все танцевали, водили хороводы, играли в жмурки. Позже вечером тушили свечи на елке и веселой толпой переходили в столовую, где был накрыт праздничный стол. На белоснежной скатерти стояли закуски, сладости, другие яства.

В десять часов детвору укладывали спать, а взрослые продолжали веселиться.

А однажды у нас почему-то не оказалось в доме елки. Но вечером папа предложил всем одеться и выйти на улицу, точнее, в сад. Было уже темно и перед нашим взором предстала огромная, сияющая огнями, пушистая ель, росшая в саду возле дома. Она вся сияла, искрилась, блестела от горящих свечек и игрушек, мы долго водили вокруг нее хороводы. Утоптали снег. И веселые, уставшие пошли домой за праздничный стол. В тот вечер мы ели пампушки в медовом растворе, кутью из риса с изюмом и орехами, густой компот (взвар) из сушеных слив, груш, яблок, изюма, толченых грецких орехов, чай со сладкими пышками, ватрушками, шанежками, пирогами, пирожными.

И еще одна елка особенно запомнилась. В тот раз мы пригласили детей рабочих, служащих дороги. Набралось человек 30-40. Девочки и мальчики были одеты просто, но опрятно. Кучерявенькие, белые, смуглые, они первое время стеснялись, жались по стенкам. Но когда папа, взяв меня за руку, предложил образовать живую цепь и побежал по комнатам, по коридору, по столовой и вернулся к елке, ребята освоились, стали веселиться, смеяться, прыгать. Папа раздал всем подарки. Счастливые и радостные дети разошлись по домам.

На лето мы ездили к морю. Чаще всего это была Анапа, детский курорт. Родители снимали там дом из трех комнат. К нам, а нас уже было только детей четверо, да две няни, да кухарка, приезжали мамы тетя Нюра и тетя Лиза из Петербурга. Ездили в Анапу на поезде и на лошадях. Но даже если и поездом, то от станции Тоннельная 40 км все равно пришлось ехать на лошадях. Большие извозчичьи коляски, запряженные парой, а чаще четверкой лошадей, в зависимости от количества пассажиров, вмещали всех. И мы уже издали ощущали синее море, лазурное небо, сухой чистый воздух. Радовались тому, что легко дышалось, что вокруг были виноградники...

Кстати, виноград в Анапе разнообразный: сладкий, мускусный, средне-кислый, с косточками и без, круглый и удлиненный, так называемый "дамские пальчики", желтый, красный, почти черный, зеленый с ароматом (изабелла) и без него. Словом, на любой вкус.

Папа покупал 40-50 фунтов сразу, привозил виноград целыми корзинами и мы ели вволю.

Дом стоял на высоком берегу, где было меньше комаров. Неподалеку размещался курзал, где по вечерам играл духовой оркестр. В нижней части города, на берегу моря находился знаменитый Золотой пляж. Стояли зонты, имелись лежаки, кабинки, кресла. В буфетах продавались прохладительные напитки, мороженое, холодные сливки. Молодые

красивые женщины ходили с ведрами по пляжу и предлагали вареную кукурузу, печеные груши и воду.

На пляж мы ходили утром и вечером. Днем находились дома при открытых окнах, но закрытых ставнях (окна открывались внутрь). Папа катал нас на катерах и лодках, которые сдавались на берегу.

Мы любили гулять по узким улочкам Анапы и рассматривать в густо уставленных магазинчиках дары моря: красивые раковины, ракушки, раковины для шпилек, пудрениц. Тут же продавались шкатулки, коробочки для папирос, пудреницы, оформленные ракушками и обрамленные ветками кораллов. Броши, бусы, серьги, кольца, браслеты, ожерелья, запонки, подвески, брелки, приколки. И все это из кораллов. Но что любопытно, магазины принадлежали не русским, коренному населению Анапы, а французам, итальянцам, немцам, туркам, все они кричали на разные голоса, уверяя, что их товар самый лучший, самый дешевый. У меня до сих пор сохранилась нить коралловых бус, напоминающих светлое прошлое.

Питались мы своеобразно. Утром яйца или яичница на свежем сале, иногда с помидорами. Хлеб с маслом и медом. Чай и ветка винограда. Обед состоял из свежезажаренной барабульки, кефали или камбалы. Сухого, разбавленного водой, вина. И большого блюда винограда. После этого был сон. Мирный и без сновидений. Вечером подавался кефир, сбитые сливки с трубочками, творог, опять виноград, персики. Возможно взрослые потом еще доуживывали? Может быть. Мы спали.

Одна из поездок в Анапу запомнилась тем, что едва не утонул мой брат Костя. Мы заплыли с ним довольно далеко в море, а когда повернули назад, он стал тонуть.

- Я не могу плыть! Тону! - сказал он и скрылся под водой. Я поднырнула под него, взяла сзади под мышки и благополучно доставила на берег. - Спасибо, ты меня спасла, - сказал он.

Я молча поцеловала его и напомнила о надкушенной груше, когда Костя взял на себя вину, хотя надкусила ее я.

Я любила играть в серсо, гоняла мяч, играла в прятки, каталась на качелях, отчего ребята визжали и хлопали в ладоши. Младший брат Витя, надев на шею убитого ужа, которого ему доставал конюх, бегал по двору и пугал нас:

- У-у! Вот какая у меня гадюка! Сейчас она всех вас перекусает!

Мало того, он пытался набросить ужа нам на шею. Визг, страх, крики... Папа ставил его в угол. И вот, поставленный в угол, он уже через пятнадцать минут просил прощения, давал обещание больше не хулиганить, выходил с разрешения папы из угла и... все начиналось сначала. Витя любил всучить холодную лягушку, запустить за пазуху ящерицу. Он не боялся ничего и никого. Лазил по крышам сараев, по деревьям, перелезал через заборы, прыгал через канавы, наполненные водой, взбирался на крутые стены погреба, где хранился лед. Забирался в ледник.

Таким он оставался всю свою жизнь. В годы Великой Отечественной войны в корабль, на котором он плыл по Финскому заливу, попала бомба. Витя доплыл до берега. А будучи в плену, бежал. Его направили в свою часть, где он воевал до победы. После войны отправили в Сибирь как бывшего военнопленного. Но вскоре разрешили вернуться в Ленинград, откуда он добровольно ушел на фронт. По окончании института остался в аспирантуре, затем переехал в Москву, стал работать преподавателем. Каждое утро он делает физическую зарядку, принимает холодную ванну.

* * *

Я хотела бы раскрыть тайны своего характера. Он у меня непредсказуем. Я способна

на неожиданный поступок. Так, однажды вечером, сидя с мамой за чайным столом, я, глядя на свою моргающую куклу, вдруг подумала: "Скоро вырасту, а куклу кому-то отдадут. От этой мысли мне стало жарко и невыносимо тяжело, я незаметно стала подталкивать куклу к краю стола и, решив, что пусть лучше она умрет, чем отдавать ее кому-то, столкнула. Я очень любила ее. Кукла разбилась. Я заревела. Родители купили на следующий день другую, не менее красивую, но я была к ней равнодушна...

В другой раз, забравшись на дерево и сорвав ярко-красное яблоко, обнаружила в нем шмеля. Шмель укусил меня. Я с ревом сорвалась с дерева, мне перевязали руку, но я долго не могла успокоиться от того, что какой-то шмель позволил себе испортить МОЕ яблоко.

Как старшая в семье среди детей я верховодила, отбирала игрушки, ставила младших в угол, за что меня саму наказывали родители. Но... все оставалось по-прежнему.

Было приключение и со мной. Наш дом с одной стороны был окружен садом и огородом, с другой находился "белый двор", отгороженный от сада забором. В заборе были две калитки и ворота в "черный двор". "Черный двор" отделялся постройками, погребом со льдом, прачечной, летней кухней и жилыми постройками, где жили сторож, дворник и садовник. На "черном дворе" были конюшня, коровник, сарай с сеном и сарай для линейки, саней, телеги и лошадиной сбруи. От "черного двора" тянулась дубовая роща, а дальше шли поля пшеницы, овса, ржи. Нам, детям, на "черный двор" не разрешалось ходить. Но я не могла с этим смириться и однажды, открыв ворота, вошла туда. "Подумаешь, - сказала себе я, - им все можно (взрослым), а нам ничего нельзя".

И только успела подумать, как мне навстречу понесся громадный и злой козел. Я перепугалась и бросилась бежать обратно. Но козел догнал меня, боднул своими огромными рогами, у меня слетела с ноги галоша, и я упала, ударившись губами и зубами о камень. Не знаю, чем бы закончилась эта неожиданная встреча, если бы не подоспел кучер. Он схватил козла за рога, а дворник поднял меня на руки и отнес домой. От этой встречи у меня остался на всю жизнь почерневший зуб. Больше на "черный двор" я не ходила.

Но я не была бы дочерью своего отца, если бы успокоилась на этом. Из сада я забиралась на крышу домика садовника, усаживалась в тени ветвей вишни, что опускались на крышу и, создав себе на крыше подобие шалаша, сидела там, уплетая вишни и не откликаясь на зов няни.

Меня искали по всему саду, по дому, во дворе. И лишь распознав мое убежище, говорили маме. Та подходила к крыше и строго произносила:

- Галя, иди обедать!

Приходилось слезать, мыть перемазанное вишнями лицо и руки и садиться за стол. Молча, сердито. Шутка ли - не давали помечтать. Я же никому не мешала! К тому же я любила читать, и меня останавливали, как правило, на самом интересном месте.

Страстно любила готовить. Разумеется, готовила кухарка, я лишь мешала. Помню, как готовили мазурку. Вначале делали сдобное тесто. В него погружали чернослив, абрикосовую курагу, изюм без косточек, добавляли мед, раскатывали и помещали на противень. Получалась тягучая, ароматная, поджаренная масса. Ее разрезали на ромбики и посыпали сахарной пудрой, получалось прекрасное своеобразное пирожное.

Готовили вафли. Жидкое тесто наливали в вафельницу тонким слоем. Вафельница предварительно нагревалась. Вафли разогревались, разрезались на дольки. Накрывая одну дольку другой, наливали между ними ванильный крем.

Делали трубочки со сливками. Готовый кружок в виде тонкого блинчика быстро сворачивали в трубочку и заливали сливки. Трубочки, остывая, твердели, становились хрустящими и хрустящими. Они подавались к чаю.

Наконец, в моей памяти остался рецепт приготовления ромовой бабы. Для ее приготовления продавались особые устройства в виде полого конуса деревянной формы с

ручкой внутри. Длинный прут с одной стороны выступал наружу, с другой стороны в виде ручки позволял вращать конус. Один человек вращал, другой при этом поливал жидковатым сдобным тестом, постепенно вырастала баба. Ее осторожно снимали с огня и с болванки, ставили на блюдо, поливали ромом, разрезали на продольные куски, после чего начиналось пиршество.

Ну а пряники делали часто, из поджареной муки и меда. Вначале они почему-то были твердыми и лишь через неделю-другую становились мягкими и ароматными. * * *

Как одевались женщины в 1910-1920 годах? Во-первых, все шилось из натуральных материалов. В обиходе были ситец, шелк, бархат, чесуча, полотно, холст, крепдешин, шифон, маркизет. Во-вторых, одежда дополнялась веером, сумочками, шарфами, подобранными в тон и стиль одеяния. В солнечную погоду женщины выходили на улицу в шляпах с вуалью. Вуаль закрывала лицо от солнца, пыли и ветра.

Городские дамы носили на лице черные мушки. Шляпки украшались букетами из роз, маков, васильков, лилий, и даже птичьими гнездами. Иногда украшали перьями цесарок, павлинов, лебедей. Иной раз оформляли страусовыми перьями. Женщины носили ситцевые сборчатые длинные юбки. Корсеты носили городские дамы. Поверх юбок надевались пестрые ситцевые, цветастые хорошо облегающие фигуру кофты. На шею надевались монисты, ожерелье, бусы из простых, но броских и ярких камней. Зимой носили шубейки.

Мужчины старались не отставать от женщин. Летом они носили плоские соломенные шляпы, на которых в зависимости от погоды и цвета костюма менялись ленты. У каждого была трость с набалдашником, украшенная инициалами, гербами, значками. Зимой носили тулупы, кафтаны, куртки. Картуз был с блестящим козырьком. В карманах у большинства находился кисет с табаком. Рубахи холщовые, байковые, накрахмаленные, ситцевые носились поверх штанов, подпоясывались яркими кушаками.

Интересны были поездки в Грузию. В числе опытных инженеров папу направили в Тифлис (Тбилиси) для строительства Карской железной дороги. Эта дорога была стратегической. В случае войны с Турцией по ней можно было быстро доставить военные грузы на передовую.

В Тифлис мы поехали всей семьей: папа, мама, дети, няня и папин телохранитель. Телохранитель, он же камердинер осетин Джамалудин был преданным, заботливым, внимательным и, по существу, другом семьи.

В Тифлисе была нанята большая квартира, часть дома какой-то грузинской княгини, чопорной и важной дамы. В те времена считалось за честь поселить у себя русского специалиста.

Особенно я любила прогулки по главной улице Тбилиси - Салалаки, нарядной, шумной, заполненной экипажами, нарядными людьми, часто в национальных грузинских костюмах. Удивляли богатые, яркие витрины, прекрасные насаждения, гортанный грузинский говор.

Нередко мы ездили на фуникулере к могиле Грибоедова. Наверху с площадки открывался захватывающий дух вид на город, широко раскинувшийся по берегам Куры. Хорошо были видны купола церквей и островерхих мечетей, крыши богатых дворцов грузинских вельмож и князей, многочисленные парки и сады. Сверху город был так же красив, как и снизу.

Интересны были поездки в баню с натуральной горячей серной водой, которая была ключом в мраморные, утопленные в земле, ванны. Посетители спускались по ступеням и окунались в серную воду. Банщики приносили горячие простыни. Разомлевшие и успокоенные мы садились в пролетку и возвращались домой.

Витя и гам сумел отличиться. Однажды он вырвался на улицу и стал кричать:

- Яблоки! Свежие яблоки! Покупайте свежие яблоки!

За Витей бросились мама, няня, я. Поймал его Джамалудин. Нашему маленькому разбойнику и в голову не пришло, что его могла сбить лошадь, что он мог попасть под коляску.

В Тифлисе мы прожили около двух лет и уезжали с грустью. Нам понравился город, шумный, говорливый, своеобразный.

Мы вернулись в станицу Крымская, оттуда - во Владикавказ, на станцию Прохладная, затем в Грозный и снова во Владикавказ. Из Владикавказа, где папа работал начальником дистанции, на каникулы мы ездили в Нальчик к папиной родне. Нальчик является столицей Кабардино-Балкарии. Расположен он в предгорьях Кавказа. Это прекрасный курорт, по городу протекает река. Климат теплый, мягкий. Горы покрыты лесом, в которых много диких груш и кизила, на альпийских лугах раскинулись пастбища. В долине Долинская создан курорт климатического и бальнеологического значения.

Там же - альпийские лагеря для отдыха. В Нальчик ведет ветка центральной дороги Армавир - Грозный.

Долинская очень живописное место. С холмами, долинами, омывается речкой Нальчик, что в переводе означает "подкова". В начале ее построена гидростанция. Из-за плотины ее вытекает мелкая речушка. Бурливая, купаться в ней можно лишь в заводях, созданных людьми из булыжника.

Кроме купания в этих заводях мне нравилось ходить в лес за дикими грушами. Созревая, они становились мягкими, сочными, сладкими. Груши собирали в мешки и привозили домой в Прохладную. На большой веранде на втором этаже дома их раскладывали на полу, прикрывали бумагой и они созревали. Это был 1920 голодный год. Кряхтя и охая, мы взбирались на горы, собирали груши, потом папа нарубал веток, связывал их, делал что-то наподобие санок, и мы все, во главе со взрослыми скатывались на них вниз, на луга. И что удивительно, ни разу с нами не случилось при этом несчастья. Единственно, однажды мама увидела змею и закричала, я завизжала, стала прыгать и задела курок ружья. Ружье выстрелило, но на наше счастье никто не пострадал.

В Нальчике мы любили спать под развесистой грушей, с которой иногда падали переспевшие плоды. Лежишь, бывало, мечтаешь, ярко светит луна, тепло, тихо и вдруг - бац! - на тебя сваливается груша. Грезы уходят, а мы начинаем с братом смаковать плод. Утром бежим на речку, купаемся, умываемся и идем завтракать.

Ежедневно мы ели арбузы. В саду расстилалась бурка. На середину ставилось блюдо с арбузом. Если арбуз был неспелый или несладкий, папа командовал:

- Катите его в речку!

Дом стоял на крутом берегу, и мы с радостным визгом выполняли приказание. Арбуз падал с обрыва, вдребезги разбивался. На него набрасывались птицы. А папа посылал мальчиков за новым арбузом. Ох, времена, времена... Сказочные, незабываемые.

Во Владикавказе я упала с гигантских шагов. Была такая шра. Наверху пятиметрового столба крепили вращающийся круг. К нему на спецзамках крепили толстые веревки почти до земли. На конце веревок делались петли, в которые можно сесть. Берешься за веревку, разбегаешься, взлетаешь на трехметровую высоту и начинаешь крутиться. Я в тот раз успела подняться на метр, не больше. Веревка лопнула, и я полетела в песок.

В день приезда папиного брата, дяди Коли, мы поехали за земляникой. Дядя Коля был хорошим человеком. Он привозил нам тетради, ручки, карандаши, чернильницы, резинки. Но в тот день, когда мы от подножья Казбека шли пешком, он почему-то ехал верхом на лошади. Может быть, у него болело сердце? Возможно. Но мы все надулись и не

разговаривали до тех пор, пока среди мшистой зелени не увидели красную поляну. Это была земляника! Мы бросились ее собирать, естественно, вначале наполнили рты, наелись, потом стали на колени и ползали, собирая ягоды в березовые туески. Набрали несколько фунтов. Мама па следующий день сварила изумительное варенье.

Ночевали у подножья Казбека в палатках, неподалеку от лагеря альпинистов, которые приехали изучать образование и сползание ледников. На Казбек мы не взбирались, но я подошла вплотную и попробовала снег. Ничего особенного - мокро и холодно.

Взрослые познакомились с альпинистами и, надо же, среди них оказался знакомый, который был влюблен в маму. Встреча была трогательная. Но для мамы и почему-то грустная.

Утром мы отправились вниз, где нас ждали две линейки и кучер. До железной дороги ехать было далеко, и мы заночевали прямо в поле. Было полнолуние. Взрослые зажгли костры, приготовили пищу. После ужина разложили бурки, иод головы положили маленькие подушечки, уснули мертвецким сном. Правда, мне кажется, я уснула не сразу. Долго смотрела на луну, вслушивалась в шорохи ночи, и лишь когда заалел горизонт, сомкнула глаза. Пала с трудом разбудил меня.

* * *

Время неумолимо приближалось к расставанию с родителями. Мама понимала, что в Крымской учиться мне не стоит и решила отдать меня в Екатеринодарский институт благородных девиц. Кроме учебных дисциплин там преподавались танцы, рисование и музыка. Ну и само собой - манеры. Но поскольку я была приходящей и жила в соседнем доме, откуда рано утром нас забирала классная дама, мама не захотела подвергать меня таким нагрузкам и еще год я училась в Крымской. Через год папу перевели во Владикавказ, где я и поступила в женскую гимназию. Окончить ее не успела: в 1918 году гимназию расформировали.

Во время сдачи экзаменов в институт благородных девиц мне довелось вместе с институтскими барышнями участвовать во встрече императора Николая II. Он приехал на какое-то торжество. Нас построили шеренгами в четыре ряда от вокзала до царской резиденции. Здесь были и школьники, и ученики реального училища. Сзади нас стояли казаки и местные жители. Много было цветов, флагов. Гремела, музыка. Император ехал в открытой коляске, запряженной разукрашенными разноцветными лентами лошадьми. Коляску окружал кортеж из нарядно одетых казаков на лошадях. Казаки были в белых папахах, белых башлыках, народ кричал "Ура!" Дети бросали под ноги лошадей и колеса экипажа цветы. Император был молодой, красивый. Он смотрел по сторонам и улыбался.

А потом случилась революция. Меньшевики, большевики, позорный Брестский мир. Взбунтовавшиеся солдаты самовольно уходили домой. Голод. Опасность постоянно попасть в неприятность. Как резко изменилась жизнь... Вначале все ходили радостные, с красными бантами на груди. В обществе царил эйфория. Люди обнимались, радовались. Шутка ли - свобода! Но это длилось недолго. 1918-й все переломал. Начались расстрелы инакомыслящих. На Урале расстреляли царя, его жену и детей. В стране начались разруха, болезни, унесшие тысячи и тысячи человек.

Мне было двенадцать лет. Я все помню. Дворянство, интеллигенция, высшие воинские чины уничтожались с легкостью невероятной.

Во Владикавказе появились беженцы. Полуголые, истощенные, покрытые коростами, вшами, лежали они на привокзальной площади. Мужчины, женщины, дети укладывались вдоль ограды железнодорожных домов. Каждое утро среди них находили умерших. Их крюками поднимали на подводы, увозили за город и хоронили в безымянных могилах.

Людей косил "сыпняк", разносчиком которого были вши.

Через Владикавказ за границу уезжали врачи, инженеры, юристы. Они бежали от новой власти. Звали и моего отца, но тот наотрез отказался, заявив, что умрет в России.

Потом наступили трудности другого плана. При том, что страна, залечивая раны, медленно поднималась с колен, жить становилось страшно. И чем дальше, тем хуже. Ложась с вечера спать, мы не знали, доведется ли встать свободными, не арестуют ли. Достаточно было намекнуть соседу, что другой сосед плохо взглянул на портрет вождя, и дело было сделано: увозили в неизвестном направлении и чаще всего навсегда. Так, жена одного очень симпатичного человека, имевшего приличную комнату в коммунальной квартире, влюбилась и, решив избавиться от мужа, донесла на него, завладела комнатой. Но через год муж вернулся. Освободили за отсутствием улик преступления.

Вот так и жили. В родной стране как у мачехи: ни прав, ни свободы.

Впрочем, не будем уклоняться от линии повествования.

Учеба в вузе

Окончив среднюю школу во Владикавказе, там же я поступила в сельскохозяйственный институт на сельскохозяйственный факультет. Успешно окончила его, защитив дипломную работу на кафедре овощеводства и цветоводства. Профессор Раздорский Владимир Федорович, заметив во мне желание и любовь к цветам, предложил остаться в институте. Я согласилась. Вначале работала старшим лаборантом, затем заведовала ботаническим садом, где студенты проходили практику, изучая растения в натуре. Составляла и подбирала гербарии для лабораторных занятий со студентами. И очень скоро поняла бесперспективность своей работы. Всю жизнь подбирать гербарии, следить за тем, чтобы не засохли растения в саду... Но для этого не надо было получать высшего образования. И на свое счастье я узнала, что в Ленинграде открывается агропедагогический институт для повышения квалификации закончивших сельскохозяйственный институт.

Не задумываясь, я тут же послала документы, и была принята. Так я попала в далекий и милый для меня, ставший родным Ленинград. В город, где в молодости жили и учились мои родители, где я параллельно успела окончить еще и кинорежиссерские курсы, что очень пригодилось мне потом, когда я занималась научным цветоводством.

Итак, Ленинград. Жить я устроилась у маминой сестры, тети Лизы. Было голодно, но терпимо. Выручали родители, присылая периодически посылки с продуктами. Нас, студентов, посылали в колхозы, где мы помогали составлять планы по посадкам, севообороты, рассказывали о том, что ждет нас в недалеком будущем.

По окончании агропединститута я получила назначение в Рошпинский техникум преподавателем. Техникум был расположен в Ропшинском дворце, окруженном великолепным парком с огромными сказочными елями и протекавшим через него ручьем, парк был наполнен редкими и потому ценными породами деревьев, кустарников северо-западной флоры. Но самыми запоминающимися все-таки остались ели. Они были выше тех, что стояли в нашем саду во Владикавказе. Пушистее. Под ними без труда можно было переждать любой дождь и не намочнуть.

Сам дворец был передан крупному совхозу "Рошпинский", который снабжал Ленинград овощами. Вот на базе совхоза и был создан техникум. Для преподавателей и

студентов в техникуме была открыта столовая, кроме того, преподавателям выдавались пайки. В них входили белокочанная квашеная капуста, помидоры, картофель, брюква, репа... И это было хорошим подспорьем в той далеко не радостной жизни.

Неудобство преподавания в Ропше заключалось в том, что жить пришлось в 20 км в Красном Селе. И вот эти 20 км приходилось преодолевать практически каждый день. Правда, совхоз обычно подавал линейку или сани, в зависимости от времени года. Но кто из нас не знает нашу российскую расхлябанность? Так что очень часто эти 20 км нам приходилось преодолевать пешком.

Там, в Ропше, я вышла замуж и родила сына. К тому времени мы с мужем обосновались жить в Ропше и уже не испытывали неудобств, связанных с ежедневными путешествиями. У нас появилась возможность гулять по парку. И те прогулки по зимнему саду в лунные вечера или на утренней заре были радостными, напоминали детство так неожиданно и кажется совершенно несправедливо закончившееся перестройкой всего, что тебя окружало, причем не в лучшую сторону. Мы забыли о тех радостях, которые окружали нас в детстве, о пище, застольях, новогодних елках с подарками, о родителях, о той переполняющей тебя радости от любви к родным и знакомым.

Впрочем, я неверно выразилась, мы не забыли, а лишились всего этого. И теперь могли только вспоминать как ушедшее навсегда. Что и случилось на самом деле. Мне девяносто второй год, а той радости, которая окружала меня в детстве, я уже не испытывала никогда. И единственно, что скрашивало в Ропше наш быт, это люди, преподаватели. Помню преподавателя химии Верещагина, чудаковатого, смешливого человека. Прозорова, преподававшего математику и физику. Фирсова, преподавателя черчения и физкультуры, человека романтического склада, писавшего стихи, легко влюблявшегося, по почему-то всегда без взаимности, и погибшего в годы Великой Отечественной войны. Это были замечательные люди. Они умели мечтать. Любили свою Родину. С ними было легко и приятно.

Из Ропши мы переехали в Ленинград во Всесоюзный институт защиты растений, что располагался на Бульваре Профсоюзов, здесь я вела научно-исследовательскую работу на тему "Химический метод борьбы с сорной растительностью, угнетающей овощные культуры". Работу я выполнила. Получила Грамоту и даже денежное вознаграждение.

Из института меня пригласили работать в Пулковский питомник треста зеленого строительства. Не знаю, почему я согласилась. Но я чувствовала, что еще не нашла себя. Чего-то мне не хватало. Я любила свою работу. Любила цветы, растениеводство в целом. Но чувствовала, что недодаю, способна на большее. Мне показалось, что в питомнике я буду ближе к своей мечте. И не ошиблась. За годы труда до 1937 года в Пулковском питомнике мне удалось создать и заложить участок цветочных культур открытого грунта. Я выращивала тюльпаны, цветные и белые флоксы, аконитум, дельфиниум, солидаго, рудбекий, пеоны. Выращивала на срез и для посадки в садах и скверах Ленинграда. Из этих цветов опытные специалисты создавали изумительные композиции. Город... зацвел.

В Пулкове я впервые провела научно-исследовательскую работу по сохранению георгинов в зимний период. В детстве во Владикавказе я видела, как люди складывают картофель в бурты и он прекрасно перезимовывает. В Пулкове перед войной почти не было оранжерей, утепленных подвалов для хранения клубней цветов. А ведь уже весной от клубней можно получать цветы на срез. И я пошла на риск. Мясистые клубни георгинов сложила в бурты. Георгины прекрасно перезимовали, и уже ранней весной мы получили возможность выращивать их на срез.

Эта идея меня настолько захватила, что я написала статью, даже не статью, а целую книжицу, и отправила ее в журнал "Садоводство и огородничество". К великой моей радости статью опубликовали и даже прислали гонорар. Это был первый побочный заработок, который оказался очень кстати.

Война

Незадолго до начала войны меня перевели в Петроградский цветоческий комбинат. Там мне предложили должность начальника цветочного цеха с открытым грунтом и с оранжереями для цветочных культур. Затем я стала техническим директором комбината, а чуть позже и директором всего хозяйства.

Коварное нападение Гитлера на Советский Союз 22 июня 1941 года спутало планы многих и многих талантливых специалистов. Из жизни ушло столько замечательных людей, соратников, знакомых, просто влюбленных в свое дело милых преданнейших товарищей, что забыть это не удастся по сей день. А прошло с тех пор 59 лет. Это были самые трудные годы в моей жизни.

Хозяйство состояло из двух участков, на двух островах вблизи дворца жестокого вельможи Бирона. Сейчас на этом месте построен Дворец спорта "Юбилейный".

На первом острове располагались оранжереи, парники, служебные здания, в основном деревянные.

Второй остров был предоставлен для открытого 1Т)унта. Там выращивались многолетние цветочные культуры: флоксы, пионы, гладиолусы. Выращивались на срез и для пересадки в сады и парки Ленинграда. Кроме того, в Петроградский комбинат входили еще два отделения.

Одно располагалось на Песочной улице и называлось Песочным. Другое в районе Удельной. Комбинат был прибыльным и давал неплохие доходы тресту Зеленого строительства.

В Ленинграде началась блокада. Я не могу без содрогания вспомнить то, что пришлось пережить. Но ... надо.

Ночь. Сильный мороз. Ощупью по тропинкам, пробитым в снегу, бреду от мамы, проживавшей на 8-й Советской (сразу после безвременной кончины паны, еще перед войной, она обменяла 3- комнатную квартиру во Владикавказе на 2- комнатную в Ленинграде и приехала вслед за мной сюда), к себе на Гороховую. И хотя ни бомбежки, ни обстрела нет, трясусь от страха. Я слабая, беззащитная. Много ли мне надо? Меня можно убить, задушить. И такие случаи были. Но вот, кажется, дошла. Теперь надо осмотреться и подниматься на третий этаж. Оглядываюсь, собираюсь с силами и, крадучись, иду по ступенькам. Один этаж. Второй. Третий. Никого. Открываю дверь. Вхожу и быстро захлопываю ее за собой. Слава Богу, дома.

В наиболее трудные дни непрерывных обстрелов и бомбардировок и в сильные морозы добираться до дома было очень сложно и страшно. Поэтому мы на территории своего хозяйства построили блиндаж. Выкопали яму, перекрыли ее двумя слоями шпал и засыпали песком. Ну, разумеется, внутри оборудовали, навели порядок, расставили лавочки, построили нары, настелили пол, поставили стол. Словом, сделали вполне приспособленное жилище. И вот здесь мы пережидали обстрелы, бомбардировки. А зимой и в особо сильные морозы оставались ночевать. Тем более, что больных и детей к этому времени мы отправили на Большую землю и дома нас никто не ждал. Бомбы падали и на территорию нашего садоводства, но на наше счастье всё обошлось. В блиндаже было уютно. А из-за того что потолок его был все-таки невысоким, воздух нагревался буквально от дыхания людей и становилось тепло.

Неожиданно из треста поступил приказ оставить только три оранжереи с растениями как будущий фонд, остальные отключить от отопления. Приказ был жесткий. Времени было мало и я торопливо, преодолевая беспомощность, сама стала отбирать наиболее ценные растения. Отобранные мной растения рабочие относили в те оранжереи, в которых намечалось поддерживать необходимую температуру. Я отобрала цветущие и

пестролистными герани, фуксии, душистый гелиотроп, колеусы, седумы, хризантемы, гортензии, коврово-черенковые растения, в числе которых сантоллин, серебристый гнафалиум, эхиверии, краснолиственный ирезине, а также прекрасные разновидности альтернентера.

Войдя в замороженные оранжереи, я с тоской смотрела на погибшие цветы, которые не удалось спасти, и мне казалось, что они смотрели на меня с укором, обвиняя в предательстве. Это было так горько и обидно, что я, не научившись плакать, готова была разрыдаться, хотя вины моей здесь не было, ибо я сделала все, что могла.

Я понимала, что когда гибнут люди, о цветах говорить не приходится. Но... это была моя жизнь, мое детище. Каждый цветочек я воспринимала как родное одухотворенное существо. Да не осудят меня живые и мертвые.

Но вот из треста поступил приказ уничтожить все цветы и засеять грядки овощами. Я категорически отказалась выполнить приказ. Директор комбината Абрам Львович Кур, невысокого роста, худой как спичка, с длинным носом и лысиной, повел на меня своими вишневого цвета глазами, попытался было что-то сказать, но, увидев мои глаза, решительные и наполненные слезами, промолчал и ушел.

На следующий день меня вызвали в трест. Начальником треста был симпатичный обрусевший армянин Михаил Месропов, присланный к нам из горкома партии. С ним у меня были добрые, почти дружеские отношения. Уволить он меня не мог, потому что мой муж был офицером и воевал на фронте, на руках у меня оставались мама и брат Костя. И я подтвердила свой отказ.

Еще через день меня вызывают в горком, к Васильеву. Васильев, один из секретарей горкома, приятный, обходительный человек, курировал хозяйства, занимающиеся выращиванием овощных культур.

Вошла, За столом сидит... Месропов и рассказывает обо мне.

- Садитесь, - предложил Васильев. Села. Молчу. Молчим все. Васильев посмотрел на меня долгим взглядом и тихо так, осторожно спрашивает:

- Галина Константиновна, почему не выполняете приказ?

- Но как можно?! - воскликнула я. - Это же уникальные цветы! Я и так оставила самые-самые...

Говорила долго и, как мне кажется, убедительно. Васильев во время всего моего монолога молчал, опустив глаза. Но вот я замолчала. Он поднял на меня свои умные, бесконечно уставшие глаза и заговорил. Говорил все так же тихо, но его слова колокольным звоном отдавались в моей голове.

- Мы засеваем каждый клочок пригодной для этого земли, чтобы получить немного овощей для раненых, для детей, для умирающих с голоду. Вы знаете, сколько у нас в городе госпиталей? Вы видели раненых?..

Я не смогу передать того колорита разговора, скажу только что я была сражена. Как же так? Я жила в этом городе. Умирала с голоду. Артобстрелы. Бомбардировки. Все переносила сама. Но то, о чем поведал секретарь горкома, было выше всяких сил.

- Я вижу, что вы поняли, - сказал - Васильев. - А теперь пожмите друг другу руки и ступайте выполнять приказ.

Я вышла из Смольного на ватных ногах. Боже мой! Что делать? Что можно придумать?!

Но придумать ничего не удалось. Красная от смущения, если только краска еще могла выступить на моем лице, я шла по улице и думала. За что?! За что гитлеровцы подвергают нас такому наказанию! Неужели же мы забудем все это?!

Забыли. Патриарх Алексей II ездил в Бонн извиняться за нашу... несдержанность.

Весной мы засадили весь грунт овощами. И как только они созрели, отправили в госпитали, которых возле нас на Васильевском острове и близ Спасской улицы было два.

Кстати, овощами были засажены Марсово поле, территория возле ГИПХа по проспекту Добролюбова. Все придомовые участки, не покрытые асфальтом.

Выращивание овощей мы планировали таким образом: белокочанную капусту, брюкву, морковь, помидоры, огурцы на территории Петроградского отделения. В Песочном отделении высадили цветную капусту, салат, укроп, петрушку. В Удельном - редис, редьку, кочерыжки капусты для получения семян, которыми мы снабжали Выборгский комбинат и хозяйства, расположенные в черте города.

Несколько слов о том, как все это делалось. Грядки делались вручную по шнуру лопатами. Равняли, рыхлили граблями. И как это ни было трудно голодным, обессиленным рабочим, трудились люди добросовестно. Я ни разу не слышала отказа, жалобы, стона. Воду носили по половине лейки. Полную поднять сил не хватало. Особенно тщательно пололи траву. Молоденькую сурепку, мокрицу, щавель, иван-чай, крапиву, одуванчики складывали рядками, обрывали корешки, мыли. После работы использовала для изготовления салатов, варили щи. Перемолотую мякоть трав использовали для приготовления лепешек, каши, котлет. Корни одуванчика поджаривали до коричневого цвета, перемалывали и варили кофе.

После войны на собрании блокадников в Доме ученых, где присутствовали французы, немцы, англичане, мне задали вопрос: "Можно ли было выжить на голодном пайке, который выдавался ленинградцам?". Нет, разумеется. Хотя чаще люди умирали от холода и безнадежности. Воля - вот главная сила, которая удерживала человека на земле.

Я и мои родные, а также 10 работниц, оставшиеся в Ленинграде, не умерли с голоду потому, что имели различные добавки. Так, помимо крошечного пайка нам периодически выдавали немного отрубей, из которых мы пекли лепешки, жмых (выжимки от подсолнечного масла), остатки корма лошади, на которой возили воду для полива оставленных маточных растений. Ели овес, размолот его и сварив кашу. Столярный клей (из рогов и копыт животных). Разварив на железной печурке, мы получали что-то подобное студню, после чего солили и ели.

Летом спасала трава: корни и листья одуванчика, крапива, трава мокрица, корни и молодые листочки лопуха. Травы эти были богаты витаминами и минеральными солями. И это поддерживало в нас силы.

Как редкое лакомство считали ботву брюквы, репы, зеленые листья капусты.

Однажды я видела как женщина, купив три сотни капустной рассады, выйдя из магазина, стала есть ее. Грязную, с кореньями, с землей. Нет, этого не забыть, господи! И не дай Бог пережить вам такое. А нам повезло. Правда, повезло по принципу: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Абрам Львович Кур самолично каждый вечер запирал на ключ единственную нашу лошадь. Ключ передавал сторожу. Тот вешал ключ на специальную доску. Так было в 1941, так было в 1942 году. А зимой нашли лошадь мертвой. Ее шея была перетянута вожжами. Кур был арестован. Но сторож подтвердил, что когда Абрам Львович ушел домой, лошадь была жива. За директора заступились рабочие и дирекция треста. Его выпустили, а мясо разрешили разделить между сотрудниками комбината. Каждый из нас получил кусок почерневшего, из-за того, что кровь не вышла из животного, мяса. Случайная, неоценимая по тем временам радость. Сейчас даже упоминание о почерневшем куске конины может вызвать отвращение. А тогда... Мария Васильевна Романова, трудолюбивая, бесконечно порядочная женщина, получившая как в наказание мужа-матерщинника, обрадованно схватила причитающийся ей кусок, побежала домой (они жили с мужем на территории хозяйства) и с порога крикнула:

- Василий! Смотри, что я принесла!

Никогда не забуду, как брала в свои детские руки это мясо молоденькая, вся в веснушках, работавшая у нас разнорабочей, девочка. Прижав его к груди, она испуганно

смотрела на нас и, вероятно, думала: "Сейчас отберут". Ведь и у нее дома были мама, сестренка. И все они умирали с голоду.

В 1970 году я встретила ее в Таврическом садоводстве. Она узнала меня. Подбежала. Обняла. Стала плакать.

Да, тяжелые воспоминания, но и радостные. Радостные от того, то выдержали, не сломались. Правда, не все. Среди миллионов настоящих ленинградцев нашлись единицы негодяев. В филиале Петроградского хозяйства на Песочной сторож Матвей был уличен в продаже подозрительного мяса. При обыске у него нашли бочку засоленного человеческого мяса. Он был арестован и расстрелян.

Что было то было. И этого тоже забывать нельзя.

Как подарок всевышнего приняла почерневшее мясо жена директора комбината. Они тоже жили на территории хозяйства, и она, обняв этот злополучный кусок, пошла домой. Худенькая, маленького росточка, неженка, она совершенно ничего не умела. И чтобы ей дали рабочую карточку, Абрам Львович провел ее разнорабочей и попросил меня давать ей "не тяжелую, посильную работу".

Я поручила ей собирать гусениц с листов капусты, ставить колышки к кустам помидоров. Выщипывать из пазух листьев пасынки, мелкие стебельки, которые мешают развитию плодов.

И каково же было мое удивление, когда она оборвала все листья кустов. Причем, случилось это после памятного разговора с Васильевым. Больше того, секретарь горкома, желая проверить, как выполняется его указание, приехал именно в этот день в наше хозяйство и, увидев голые кусты помидоров, не удержался от смеха. Месропов, не зная, что эта сделала жена директора хозяйства, стал выгораживать меня:

- Ну что тут поделаешь? Она же цветовод.

- И я впервые не знала, как поступить, что сказать. Я стояла остолбеневшая и кусала губы. Ведь речь шла о жене директора...

Зимой я возвращалась по парку Ленина. Впереди меня по узкой, пробитой в снегу тропинке, шла молодая женщина. Завыли сирены. Началась бомбардировка. Бомбы рвались над парком Ленина. Я спряталась за толстый ствол дерева. Женщина побежала, но вдруг упала. Когда бомбардировка окончилась, я подошла к женщине. Она лежала спокойно, выпрямив ноги. Я нагнулась с намерением помочь и... отпрянула: у женщины не было головы.

Как описать тот ужас, который охватил меня! Я упала, потеряв сознание. Подоспевшие дружинники привели меня в чувство, помогли сделать первые шаги.

Возвращаясь из треста, попала под бомбежку на Дворцовом мосту. Бомбы падали то с одной, то с другой стороны моста. Я в испуге прижалась к гранитной балюстраде у начала моста и вдруг увидела, как люди, шедшие по мосту, упали на четвереньки и, прижимая головы, оберегаясь от осколков льда и брызг воды, быстро, быстро поползли по мосту.

Внезапно обстрел прекратился. Мост не пострадал. Люди поднялись с колен, отряхнулись и, как ни в чем не бывало, пошли дальше. И только женщины, поправляя платки, утирали слезы страха.

Сокращая расстояние, ленинградцы от Петропавловской крепости в направлении Зимнего дворца ходили по Неве. Пошла и я. И попала под бомбежку. Как я успела добраться до противоположного берега, ума не приложу. Но самое удивительное, что, прибежав на Невский, я даже не оглянулась, остался ли кто жив на той тропинке, что вела к Зимнему. Такой вот страх одолевает человека, когда бомбы рвутся у него на глазах.

И еще один эпизод расскажу из своей ленинградской эпопеи. И тоже страшный. И это при том, что нестрашных эпизодов в те годы не было.

Зимой 1943 года с Абрамом Львовичем Куром мы поехали в Удельнинское хозяйство,

которым руководил приветливый латыш Буш. Мы должны были получить у него семена капусты и брюквы для высева в других хозяйствах. Проехали большую часть пути, когда начался обстрел. Спасаясь от разрыва снарядов, мы завернули за ближайший забор. Слезли с саней, оглянулись и обомлели: перед нами лежали длинные полтораметровой высоты шеренги мертвых людей. Сколько их там было? Тысяча? Две? Три? Не меньше. Видимо, их складывали здесь до того дня, когда можно будет их похоронить в братской могиле. Это были гражданские люди. Погибшие от голода, холода и болезней.

В ужасе мы выбрались из этого страшного места и, уже не обращая внимания на разрывы снарядов, продолжили путь.

Потом я еще не раз натыкалась на штабеля мертвецов. Один из таких штабелей находился в непосредственной близости от Смольного, на углу Суворовского проспекта и 2-й Советской улицы. Закопанные трупы как бы охраняли Смольный, цитадель революции. Сейчас в этом месте разместилось кафе. Но я не могу войти в него, ибо воспоминание не дает мне покоя.

Но вот заработала Дорога жизни. Норма хлеба увеличилась вначале на 50 граммов, затем на 100. Жить стало легче. А со снятием блокады в домах появились свет и тепло. Город ожил. Ленинградцы стали выходить на улицы и очищать их от нечистот, грязи, трупов. Заработали школы, ВУЗы, театры. Правда, театры работали даже в блокаду. Такой уж был Ленинград. Такими нестигаемыми оказались его люди. Я сама ходила на "Сильву", "Цыганского барона", "Роз-Мари". Если объявлялась воздушная тревога, зрители вместе с артистами спускались в бомбоубежище. После отмены тревоги все возвращались на свои места и спектакль продолжался.

Сейчас трудно, пожалуй, невозможно представить, какую поддержку оказывали театры в те годы. Люди становились спокойнее, верили в то, что блокада скоро кончится, что Гитлер будет разбит. И уже не так страшно было жить. Появлялась надежда.

И мне не понятна позиция писателя Виктора Петровича Астафьева, заявившего, что защищать Ленинград смысла не было. "Эти камни, - говорил он, - стоили миллионам жизней". Милый, да как же Вы не поймете, что Ленинград не просто город, не просто место, где люди спят и работают. Это необыкновенный город. И его населяют необыкновенные люди. К тому же, каждый школьник знает, что Гитлер приказал стереть с лица земли Ленинград. Этого города, города трех революций, он боялся больше Москвы.

А со снятием блокады в городе стали действовать пансионаты. Их заселили измученными, умирающими от голода ленинградцами. В течение двух недель их подкармливали. Давали витамины и каши: овсяную, ячневую, пшеничную, кукурузную, манную. Люди оживали и возвращались на рабочие места.

Случилась тогда радость и в моей семье: Новый, 1943-й год, я встречала с мужем. Встречала у приятельницы Зины Саготовской, с мужем которой приехал с фронта мой муж. Встречали в маленькой комнатухе. Стол освещали две свечи. Наши мужья привезли тушенку, настоящий белый комковой сахар и белый хлеб. Хлеб мы ели с Зиной как пирожное, боясь потерять хотя бы крошку. На листьях квашеной капусты мы разогрели на печурке тушенку. На топку пошли табуретки. Наши мужчины сидели, накинув шинели, обняв своих дорогих женушек.

Потом мы слушали радио. Обсуждали дела на фронтах. И так просидели до утра. Это была незабываемая и радостная ночь. Встреча с мужем придала сил, вдохнула надежду.

* * *

Меня перевели начальником производственного отдела в Управление садово-паркового хозяйства и Зеленого строительства Ленгорисполкома. Работа там была в

основном канцелярская. Она заключалась в том, что я должна была составлять план посадок по всем многочисленным хозяйствам, реализации готовой продукции. К этому времени на полную силу заработали Петроградский комбинат со своими филиалами. Таврический, выпускавший оранжерейно-цветочную продукцию, Выборгский, кроме цветов выпускавший кустарники и саженцы деревьев для парков и садов Ленинграда, Пулковский питомник, цветочно-оранжерейное хозяйство в Пушкине, большие хозяйства в Зеленогорске, Сестрорецке.

При том, что работы было много, она меня не устраивала. Я любила живую работу, работу с растениями, а тут... бумаги. К тому же, у меня явно не сложились отношения с главным инженером, который не был специалистом в нашей области. Он был прислан из администрации и ничего не понимал в растениеводстве. И я, узнав, что в техникум Зеленого строительства требуется преподаватель, написала заявление об уходе.

Техникум размещался неподалеку от Таврического дворца. Я стала преподавать цветоводство, вела дипломное проектирование, лабораторные занятия. И это была совсем другая жизнь. Интересная, захватывающая. Я вращалась в родном, любимом мной мире, мире растений и живых людей.

Работа в техникуме и стала моим трамплином на нелегком пути в академики. После войны, в конце 1946- начале 1947 года жизнь моя круто изменилась. Мне предложили пройти конкурс на преподавателя самого высокого высшего учебного заведения в стране в вопросах растениеводства - в ордена Ленина Ленинградскую лесотехническую имени С.М.Кирова академию. Я приняла предложение, и с 1947 года вся моя жизнь связана с этим старейшим (в 2003 году исполнится 200 лет) учебным заведением.

Лесотехническая академия

Я не хотела бы говорить традиционное "славная", "замечательная", "хорошая". Возглавляли ее умные, высокообразованные специалисты. Меня принимал Салтыков Михаил Иванович, бывший министр. Его сменил Никитин Виктор Михайлович. Затем Академию возглавил Шарков Василий Иванович. После него к власти пришел Киприанов Алексей Иванович. Сегодня во главе коллектива стоит Онегин Владимир Иванович. Все это крупные ученые, как правила, академики не одной академии.

Коллектив большой. 660 преподавателей, около десяти тысяч студентов. Так что в таком громадном коллективе было все.

Назначение я получила на факультет Зеленого строительства, на кафедру древоводства и селекции, которую возглавлял профессор Никитин Иван Никитич. Вторую кафедру факультета возглавляла профессор Дубяго Татьяна Борисовна. Но из-за малочисленности нашего факультета нас вскоре расформировали и всех нас зачислили на Лесохозяйственный факультет, который существует по сей день. На этом факультете я работала ассистентом, преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, десять лет возглавляла кафедру. Там же защитила кандидатскую диссертацию. А незадолго до ухода на пенсию работала на профессорской должности в НИЧ, исполняя обязанности научного руководителя учебно-опытного парка Академии.

У меня сохранилась характеристика, которую мне выдали, когда я собирала документы для защиты докторской диссертации. Вот что в ней говорится: "Тов. Тавлинова Г.К., имея большой практический опыт работы на производстве, в области цветоводства и декоративного растениеводства, будучи высококвалифицированным специалистом (кроме основного она закончила еще и специальный педагогический институт), является способным преподавателем, умеющим продуктивно и интересно организовать педагогический процесс, требовательным к себе и к своим подчиненным по кафедре и

студентам человеком, сумела организовать коллектив кафедры, укрепить учебно-воспитательную дисциплину, добиться хороших результатов в подготовке специалистов-озеленителей.

Организаторские и методические способности педагога, большая научно-исследовательская и литературная работа снискали Г.К.Тавлиновой авторитет и уважение как среди профессорско-преподавательского состава, так и среди студентов.

Наряду с успешной педагогической деятельностью Г. К. Тавлинова руководит опытной лабораторией по цветоводству. Ею разработан вопрос фотопериодического влияния на процесс корнеобразования у зеленых черенков (105 видов) декоративных растений. Большое практическое применение получила ее работа по низкотемпературному черенкованию многолетников. Материалы обеих тем опубликованы и представлены на ВДНХ.

Начиная с 1959 года, Г.К.Тавлинова развернула значительную исследовательскую работу по гидропонному методу выращивания декоративных растений по 120 видам.

Все перечисленные вопросы входят в тему "Новые приемы выращивания цветочных культур закрытого и открытого грунтов", которая представляется в качестве докторской диссертации".

В дополнение к сказанному должна отметить, что я разработала курс "Цветоводство" для студентов-озеленителей. Создала учебную плантацию растений открытого грунта и коллекцию оранжерейных растений. Написала и издала учебное пособие по цветоводству, которым студенты пользуются и по сей день. По курсу "Цветоводство" написаны методические указания. И они также являются хорошим подспорьем студентам-озеленителям.

В этой большой, полезной работе мне помогали коллеги, сотрудники кафедры и лаборатории. Каждый человек в меру своих сил, компетенции и характера. Я почти всех их помню и остаюсь благодарной по сей день. Прежде всего, это ректор академии академик Киприанов Алексей Иванович. С его легкой руки у меня получалось все. Это большой ученый, человек государственного ума. Он 12 лет возглавлял Лесотехническую академию. Оставил заметный след. Выпустил не одну тысячу инженеров.

Навсегда запомнился профессор Никитинский Юрий Иванович, сменивший меня на посту заведующего кафедры. Не унывающий, содержательный человек.

Грабовская Анна Алексеевна. Очень интересная, приятная женщина. Точеный носик, алые губки, черные брови и яркие карие глаза. Не женщина, а загляденье. Улыбка не сходила с ее лица. Изящная во всем, в одежде, в поведении, в отношении к людям, она вся излучала добро. Она читала лекции по селекции цветоводства.

Оставил след и ныне покойный Владимир Николаевич Никонов. Он преподавал экономические дисциплины на факультете. Это был на редкость простодушный, скромный, нерешительный человек. Со всеми и во всем соглашался, не мог постоять за себя. На его полноватом лице постоянно бродила смущенная полуулыбка. Он как бы извинялся за то, что он есть, что доставляет хлопоты своим присутствием. На него постоянно взваливали общественные нагрузки: дежурство по факультету, написание заметки в стенную газету, поездку в совхоз со студентами на прополку брюквы...

Ильинская Наталья Алексеевна, худенькая, немолодая уже женщина, преподавала садово-парковое искусство. В меру чопорная, пунктуальная, строгая, малообщительная.

Смирнов Геннадий, сравнительно молодой еще человек, очень страдал от полученных на войне ран. Но он всегда мог подменить, помочь провести практические занятия.

Человек - это целый мир. Я с удовольствием рассказала бы и о Булыгине Николае

Евгеньевиче, и о Каппер Инне Оскаровне, и о лаборантке Тонечке Белой, и о Тане Зарудной, и о Тане Мишаковой.

Но рамки очерка не позволяют этого сделать. Скажу только, что с каждым из них связан целый пласт моей жизни. В одном случае приятный и радостный. В другом не очень. Что поделаешь: жизнь есть жизнь и переделать в ней ничего невозможно. Каждый из них оставил на моем сердце зарубку, и я буду их помнить до конца моей жизни.

А однажды порог моего кабинета переступил офицер Военно-Морского флота.

- Капитан-лейтенант Лаврентьев, - представился он. - Алексей Алексеевич. Разрешите, Галина Константиновна?

- Да, да. Слушаю вас, Алексей Алексеевич.

- Галина Константиновна, нам известны ваши работы по растениеводству и мы хотели бы предложить вам сотрудничество.

- Кто это "мы"? Что за этим скрывается? -спрашиваю я, а сама уже дрожу от нетерпения.

Не знаю почему, но я с первого слова этого молодого симпатичного офицера поняла, что меня ждет что-то необычное и интересное.

- Мы - это организация "Рубин". Точнее, подводный флот. Нам, подводникам, довольно трудно нести вахту в ограниченном пространстве да еще без солнца. Вот мы и решили создать небольшие оазисы на подводных лодках. Пусть это будут цветы, комнатные растения, певчие птицы. Вы поможете нам?

- Как я понимаю, необходимо подобрать такие растения, которые могут жить при искусственном освещении?

- Совершенно точно! - обрадованно воскликнул Лаврентьев. - Вы совершенно правильно поняли наш замысел.

- Что ж, что касается меня, я с удовольствием займусь этой важной и, скажу прямо, не простой работой. Это займет время. А чтобы я могла этим заниматься не бросая свою основную работу, я должна получить разрешение ректора. Да и место в оранжерее, где я должна буду наблюдать за высаженными растениями. А сколько это займет по времени? Цветы растут год. Вот в течение года мы и будем с вами наблюдать, какие из них в состоянии расти, какие цвет. И когда станет ясно, отберем для подводной лодки те, которые смогут расти при искусственном освещении.

-Год?

- Не меньше.

- Что ж, никуда не денешься. А что касается разрешения, то я уже был у ректора. Профессор Киприанов не только не возражает, он сразу назвал вашу фамилию.

- Прекрасно. С чего начнем?

- Я думаю, вам целесообразно ознакомиться с подводной лодкой. Представить себе, где должны будут устанавливаться цветы, в каком количестве.

- И где эта подводная лодка?

- Здесь, в Ленинграде. Правда, не боевая, а макет. Но в натуральную величину.

И я приступила к работе. В нашей оранжерее мне отвели кусочек земли, я высадила 200 наименований растений и стала наблюдать. Солнечный свет сюда не проникал. Круглосуточно горели лампы. И уже очень скоро стало видно, какие растения выживают, а какие умирают. В течение года мне удалось выявить 50 наименований устойчивых растений, среди которых было больше цветов.

Я позвонила капитан-лейтенанту Лаврентьеву. Он обрадовался и пригласил к себе на завод. Я поехала. Троллейбусом № 5 добралась до площади Труда, а там рукой подать до улицы Красной, и на самом берегу Невы увидела завод.

А потом поехала в Северодвинск, где увидела "живую" лодку.

Первое впечатление от подводной лодки -мощь. Когда она на плаву, то видно только верхнюю часть, не больше четверти. Основная же масса ее находится в воде. И вот эта мощь открылась моему взору. С причала по небольшому мостику я перешла на лодку. Точнее, ее выпуклую часть спины. Дошла до бокового отверстия (есть отверстия и наверху). Ухватилась за бортик, перекинула ноги на узкую лестницу, что была в небольшом круглом отверстии, и стала спускаться. Спустилась па один этаж, затем на второй. Вышла на площадку, ведущую к первой переборке. Наклонившись, перелезла через порог, прошла еще один отсек, снова прошла переборку и, наконец, попала через круглый лаз в третий отсек, где размещались спальные каюты офицеров и матрасы матросов.

Показали мне офицерскую каюту. Каюты на двоих. Крошечная, тесная. Высокому человеку даже ноги невозможно вытянуть. Поэтому человеку, который не выдерживает ограниченности пространства, служить на подводном флоте нельзя: сойдет с ума.

Мне стало ясно, где и что поставить, какие растения, какие цветы высадить в офицерской кают-компани. Из-за ограниченности помещенный специально для матросов высаживать цветы было просто негде и им разрешалось в свободные от вахты минуты заходить в офицерскую кают - кампанию. И это было удивительно. В царское время на корабле отводилась каюта специально для командира, отдельно для офицеров. И матрос никогда (!) не смел войти без разрешения в офицерскую кают-компанию. Вот она, настоящая демократия!

Итак, на макете я высадила 50 наименований растений и стала ездить сюда как на работу. Еще через год мы все убедились, что растения, которые я отобрала, растут, не погибают. И настало время перебазировки их в Северодвинск.

Матросы и офицеры погрузили ящики в самолет, и мы полетели в Архангельск.

В Архангельске нас встретили моряки-подводники из Северодвинска. Привезли нас вместе с растениями в необитаемый с заколоченными окнами дом, приспособленный под оранжерею. Выделили мне помощников, мы высадили растения и, устроившись в гостинице, уже на следующий день приступили к работе. Мне выделили постоянную помощницу Синякову Киру Федоровну, веселого нрава, но очень добросовестную женщину. Она жила в Ленинграде и работала на "Рубине". Поэтому мы с ней поселились в гостинице. Нам предстояло:

1. Подобрать растения, способные жить при искусственном освещении.
2. Обеспечить их непрерывное освещение.
3. Создать особый субстрат вместо обычной земли для выращивания и содержания растений.
4. Обеспечить автоматический полив растений.
5. Установить срок службы композиций.
6. Отработать способ доставки на самолете растений из Ленинграда в холодное время.
7. Создать в Северодвинске собственную базу снабжения подводных лодок готовыми композициями уже без использования базы Ленинграда.
8. Разработать винипластовые емкости для растений, так как по моим наблюдениям удалось выявить, что глиняные горшочки при автоматическом поливе и длительном хранении в условиях повышенной температуры непригодны. Они окисляются.

Военным понравилась четкость моих указаний. Они сразу прониклись ко мне доверием и, надеюсь, уважением.

Целый месяц мы жили в Северодвинске. Нас окружали изумительные люди. Я жила в номере со спальней и столовой. Так что вечерами к нам приходили гости и мы проводили время в кругу интересных людей.

Чаще других бывал у нас Федор Владимирович Нахтман. Он занимался

проектированием полива декоративных растений, так что нам было о чем поговорить. Когда производственная тема иссякала, Владимир Федорович начинал рассказывать о семье. Сетовал на дочь, которая развелась с мужем и теперь жила у него. На сына, который не пожелал пойти по стопам отца и стал художником.

Но чаще всего мы говорили о литературе, о музыке, о театрах. Кира Федоровна, как и я, любила театр, и мы, насладившись чаем с прекрасной по тем временам закуской, долгие часы говорили на любимую тему.

И вообще я просто обязана хотя бы назвать по именам тех замечательных людей, которые вместе со мной фактически вели большую научную работу. Это Морозов Лев Александрович, Носов Виктор Николаевич, Куриленков Виктор Васильевич, красавчик, перед которым таяли женщины, начиная с официанток, тот же Нахтман Федор Владимирович, Коганов Михаил Ильич, Лукашин Анатолий Григорьевич. И, конечно же, генеральный директор "Рубина", ныне академик Спасский Игорь Дмитриевич, строгий, добрый, порядочный человек.

Мы начали высаживать цветы на подводных лодках. Вначале на одной, потом на второй. И лодки ожили. Примерно так же, как в свое время Ленинград, когда у нас в комбинате стали раскупать саженцы и высаживать их на улицах города. Душа моя запела. Вот она жизнь! Наука, искусство, люди! Именно люди, ради которых я столько лет училась, провела тысячи опытов, перебрала десятки тысяч корешков растений, написала десятки книг.

А потом нам довелось наблюдать погружение лодки. Горбоносое, темное тело медленно, я бы сказала, величаво уплывает вдаль. Затем так же медленно погружается. А у твоих ног плещутся волны, выбрасывая красных медуз. А вдали, на той стороне залива, виднеется сказочный лес из сухих обугленных деревьев. Мне так и не довелось узнать, от чего он погиб. Сохранив полностью силуэт леса, он умер на корню. Одни говорят, от какого-то газа, другие -вроде бы от исчезновения воды в почве, третьи утверждают, что лес отравили химическими веществами, которые закопали в лесу. В любом случае, лес, даже мертвый, выглядел величаво.

Ну а нам с Кирой Федоровной предложили выйти на подводной лодке в море. Правда, мы не выходили за пределы кают -компаний, зато мы уже знали, как не просто морякам дается поход. И те цветы, которые мы высадили здесь, были крошечным мирком, окошечком в нормальную земную жизнь. На нас смотрели красные бегонии, розовая герань, крупный красный филлокактус, белые сенполии. Их обрамляли дифференбахия, аспидистра. Было красиво. И создателями этой красоты были мы: я и моя славная помощница Кира Федоровна Синякова.

Ну и, наверное, было бы несправедливо не рассказать о городе, в котором стоят подводные лодки, где трудятся мои замечательные друзья, где мне довелось трудиться в течение долгих десяти лет Северодвинск город довольно молодой. Он выстроен на болотистых местах в дельте могучей и мрачной реки Северной Двины на месте небольшого поселения, о чем напоминает церковь сохранившаяся на территории нынешнего завода.

Добираются в Северодвинск тремя путями:

по железной дороге из Архангельска. Поезд идет по большому мосту, пересекающем Двину. Мост двухэтажный. По нижнему этажу идут поезда, этажом выше - автобусы и автомобили. Второй путь - автобусом. И третий -катером. Предшественники современного катера-корабля были деревянные. Плавали они медленно. По дороге от Архангельска до Северодвинска делали три остановки. Пароходик подшлепывал к берегу, и, если пристань была на крутом берегу, с борта выдвигалась лестница. Она упиралась в пристань. По ней спускались и поднимались пассажиры, местные жители, с баулами, корзинками, мешками.

Плавать на таких кораблях забавно и удобно. Сидишь у окна, наблюдаешь, как он, виляя то влево, то вправо, медленно двигается вперед.

С тех пор как Северодвинск стал закрытым городом, у пассажиров начали проверять документы: паспорта и пропуска.

В Северодвинске много зелени, скверов, много магазинов. Именно в Северодвинске я впервые попробовала бананы, и поскольку там их было много, я всякий раз 5-7 кг привозила домой. Там были почему-то дешевле каштаны, орехи. И я возвращалась всегда с подарками.

В городе имелись хорошие рестораны, театр, кино, гостиницы, два универмага. Город снабжался прекрасно.

В окрестностях Северодвинска расположено оранжерейное хозяйство. В этом хозяйстве выращивались великолепные крупные, ароматные красные, желтые розы. Выращивались помидоры, огурцы, лук па перо, салат. Вся продукция продавалась в городе. Хозяйством руководил опытный агроном, применяя гидропонный способ выращивания овощных культур. Впоследствии предприятие "Рубин" пригласило его к себе, и он стал на крыше основного здания выращивать овощи и снабжать ими столовые предприятия.

Побывала я и на берегу Белого моря. В июле температура воды достигала 10°-14° тепла. Любители купались, но я не рискнула. Единственно, что я позволила себе, это пройтись босиком по воде.

В завершение скажу, я с непередаваемым чувством радости вспоминаю свою научную работу в "Рубине". Офицеры очень любили уголки, которые я создавала на подводных лодках. Сами ухаживали за растениями, когда лодка уходила в открытое море. Так что работа велась постоянно. Мне оставалось периодически навещать в Северодвинск и контролировав ь. А 30 мая этого, 2000-го года, я получила от предприятия "Рубин" приглашение на конференцию, посвященную 20-летию выпуска подводных лодок третьего поколения.

Вот это еще одна сторона моей научной работы. Сравнивая ее результативность с теми результатами, которых мы достигали, когда озеленяли Ленинград, могу с полной ответственностью сказать: это было важно и полезно.

И теперь я расскажу о третьей части своей научной деятельности: о поездках за границу. Это было насколько трудно, настолько и интересно. Я выступала с лекциями, вела большую изыскательскую работу, изучала все новое. И, конечно же, с громадным интересом изучала страну. Итак, заграничные командировки.

В стране Суоми

Поездка в Финляндию была одной из первых. Финны - добродушный, гостеприимный народ. Никак не верится, что в годы войны они жестоко расправлялись с нашими бойцами, попавшими в плен. По крайней мере, такое впечатление я вынесла от посещения Финляндии, знакомства с финнами.

Поразило меня, да и не только меня, а всех нас, что каждое утро на центральной площади Хельсинки, где стоит ратуша и заседают государственные мужи, работал базар. Работал лишь до 12 часов дня. В 12 часов все тележки, коляски, повозки, корзины с продуктами исчезали, площадь просто мгновенно вычищалась, отмывалась до блеска, и жизнь шла своим чередом.

На выставке ажурного стекла, которое привезли сюда из Италии, Франции, Бельгии были представлены удивительно красивые художественные изделия: белые вазы

наподобие лилии, алые кубы для хранения срезанных цветов, напольные вазы, вазы фигурные из разноцветного стекла, какие-то удивительные стеклянные и хрустальные ковши, кувшины, набор хрустальных разновысоких трубок, соединенных воедино в цветные полуovalы, переплетенные друг с другом.

Интересным было посещение мрачного средневекового ресторана, специально для туристических групп и для любителей острых и сильных ощущений. Залы низкие, окон нет, потолок черного цвета, на стенах горят плашки, скудно освещая грубые дубовые столы и такие же скамьи. Официанты в балдахинах с капюшонами, молча обслуживающие гостей, завершали картину. Ну, если уж быть точной, мрачное впечатление усиливали еще манекены в железных доспехах с копьями, стоявшие в углах.

В Турку я с интересом осмотрела леса, ухоженные, чистые, больше похожие на лесопарки, чем просто леса. Лесничие и их помощники убирали поваленные деревья, упавшие ветки, опадающие листья. А когда мы стали собирать белые грибы, которых там росло несметное количество, финны запротестовали:

- Их есть нельзя! Они трудно перевариваются в желудке.

Мы только улыбались. Бедные люди. Они даже представить не могут, какое из них можно приготовить кушание. Что ж, хоть в этом мы ушли дальше...

Вокруг городов и сельских мест, я уж не говорю об улицах, все скалистые участки, валуны, которых в изобилии разбросала мать-природа в Финляндии, тщательно ухожены, лужайки оборудованы каменистыми тропинками. По ним бегают, резвятся финские ребятишки, одетые в яркие непромокаемые шапочки, ботинки, причем вся одежда ярких цветов: синяя, красная, оранжевая. На фоне зелени лужаек это смотрелось изумительно.

Посетила я ресторан на высотной башне, где кормят по-шведски. Из окна ресторана виднелись красивые пейзажи, поляны, лужайки, рощицы, стоянки для автомашин, обрамленные зеленью и не мешающие пешеходам.

При входе наш гид платил за нас определенную сумму денег. Войдя, мы брали тарелку, набирали еды и ели столько, сколько могли.

Финны утверждают, что убытка они не несут. Может быть, из-за того, что грамотно распределен процесс приема пищи? В начале зала стояли столы с салатами, винегретами, свежей зеленью. Все это вкусно, чисто, бесподобно. Не захочешь да съешь, дальше шли столы с супами, борщом, окрошкой. А уж потом предлагались горячие мясные блюда. Но к этому времени никто из наших уже не мог ничего есть. Даже от сладких блюд отказывались и только пили чай. Вот это и есть шведский стол.

Побывали мы и в частном доме. Пригласил нас директор садоводческого хозяйства, финн но национальности, хорошо говорящий по-русски. Он имел деловые связи с Ленинградским садово-парковым хозяйством, поставлял нам маточный фонд редких растений.

За огромным столом уместилась вся наша делегация. Директор и его жена угощали нас кофе с бутербродами. Потом был торт, смущенная щедрым гостеприимством, я не выдержала и сняла с себя янтарное ожерелье. Надела его на шею хозяйки, что обрадовало ее до слез. А при прощанье уже паша группа в ресторане "Москва" мне подарила не менее красивое ожерелье из янтаря вперемежку с отполированными косточками персика. Иногда я надеваю его и вспоминаю прекрасную страну Суоми.

Во Франции

Вторая поездка была во Францию. Нас пригласили для ознакомления с цветоводческими хозяйствами.

Франция. Прекрасная Франция. Нет, что ни говорите, но даже при том, что я люблю свою Родину и мне никогда не придет мысль покинуть ее, Франция оставляет неизгладимое впечатление. И это лишний раз подтверждает ту негодную теорию, которой нас пичкали все годы жизни за "железным занавесом", что капитализм умирает. В то время как Горбачев бездумно тратил направо и налево несметные наши богатства, капиталисты строили свое общество.

Во Францию мы добирались поездом. И уже в вагоне почувствовали суть "умирающего капитализма". Обслуживание было в высшей степени культурным и образцовым. В Париже нас встретил гид, специалист по растениеводству. И все время, которое мы провели во Франции, он был рядом.

Устроились мы в хорошей гостинице. Несколько дней провели в Париже, затем поехали по городам. Побывали в Руане, Ницце, Орлеане.

Осматривали хозяйства, выращивающие различные цветы на срез и для обсадки садов и парков. Посетили питомник архитектурных деревьев и кустарников, где путем обрезки, стрижки, подвязки создавались живые колонны, пирамиды, овалы, змеевидные формы, ворота, кубы, трапеции. Их охотно раскупали для реставрации и обновления исторических посадок во дворцах, парадных садах, богатых поместьях. В этот период у нас ничего подобного в питомниках не выращивалось.

В Париже посетили Собор Парижской Богоматери. Погуляли по паперти набережной Сены. Посетили роскошные, магазины по продаже белья, одежды.

Все, что нам довелось увидеть, было в высшей степени интересно и притягательно.

Посетили парфюмерную фабрику, где из лепестков роз и других цветов готовили духи, эссенции. Здесь же, на фабрике, имелся магазинчик и сотрудники имели возможность приобрести по недорогим ценам изделия собственной фабрики. Купили и мы по паре флакончиков этих изумительных духов. Надо сказать, что вокруг фабрики и далеко вокруг стоял прекрасный ароматный запах. И одно. это уже привлекало покупателей.

В одном из цветочных хозяйств мы встретили русского. Это был уже в годах казак с Кубани. Он здесь служил сторожем. С грустью расспрашивал о России, куда не мог вернуться, так как солдатом был вывезен во Францию. На Родине это могли расценить как измену с соответствующими выводами. Со слезами на глазах провожал он нас, долго стоял и смотрел нам вслед. И это произвело на нас тягостное впечатление. Ну какой он предатель?! Простой сын бедного крестьянина. Но ситуация в нашей стране была такой, что он действительно мог быть отправлен в лагерь и остатки дней своей жизни провести за колючей проволокой.

В Ницце произошел курьезный случай. Стоял август. Погода была прекрасная. Над Францией шатром раскинулось голубое, без единого облачка небо. Гид привез нас на берег Адриатического моря и мы, прежде всего я, решились искупаться. Но не просто побарахтаться возле берега, хотя вода там чистая, как родниковая, а и поплавать.

Не успела я отплыть от берега на приличное расстояние, как появилась спасательная лодка с матросом, размахивающим флагом и указывающим на берег. Пришлось вернуться.

Вернувшись, я оделась и мы пошли в ресторан-павильон, стоявший тут же на берегу. Обвитый глицинией, пасифлерой, вьющимися розами, клеодендромом, он был очарователен.

Нам подали омаров, лангустов и устриц. Мой сосед по столу француз, немного говоривший по-русски, подсказал мне полить устрицы соусом.

- И глотайте, не жуя, - предложил он. Я храбро проглотила устрицу. Политая соусом, она действительно скользнула в горло, и у меня остался лишь привкус соуса, приготов-

ленного из тертого чеснока и сметаны с томатом. Я была одна из немногих, кто решился съесть устрицу. Большинство же предпочло омаров и лангустов. А одной нашей сотруднице стало даже нехорошо, и опытные официанты быстро помогли ей дойти до туалетной комнаты.

На следующий день в местной газете появилась ядовитая статейка. "Из дикой страны, - писал бойкий журналист, - где люди ходят в звериных шкурах, а по улицам бродят ночью медведи, приехали русские и сразу бросились купаться, и это в то время, когда купальный сезон уже закончился и ни один француз не позволит себе этого сделать. Слава Богу, что никто из купавшихся не заболел, и в этом заслуга сторожевой службы, вовремя подоспевшей к месту происшествия."

В Ницце на нас произвела тягостное впечатление еще одна встреча, на этот раз с русскими эмигрантами. Сопровождавший нас представитель КГБ предупредил, что если мы хотим вернуться без неприятностей, мы не должны будем здороваться за руку и говорить.

Нас встретила группа русских. Возглавляли ее княгиня и пожилой мужчина, строивший Сампониевский мост в Петербурге. Они пытались заговорить. Спросили, сохранился ли императорский дворец. Но мы стояли как истуканы и молчали. Нам было стыдно и... тошно. Эмигранты поняв, что нам запрещено говорить, сухо поклонились и ушли. Что поделаешь, времена...

В Париже мне понравился цветник перед дворцом, сделанный из простых однолетников, высеянных в смеси. Картина была пестрая, малопривлекательная и я, не задумываясь, сказала об этом гиду. Тот смутился и объяснил, что это была попытка модернизировать цветник, что он не подходит к этому историческому месту. Но попытка не удалась, и в следующем году цветник будет перестроен. А я обрадовалась: хоть что-то нашла у французов несовершенное.

Осмотрели мы и малый трион. Он тоже оказался не очень ухоженным. Вроде бы забытым. А вот садоводы оказались очень приветливыми. Они охотно рассказывали все, что знали о цветах, мы подружились. Впоследствии мы пригласили группу цветоводов в Ленинград.

Встретили их радушно, хорошо угостили, показали красоты нашего прекрасного города, сфотографировались на память и даже какое-то время переписывались. Они были ошеломлены, уезжали к себе на родину в прекрасном настроении. Но переписка скоро прервалась, а воспоминание о, веселых французах, их прекрасной родине у нас осталось навсегда.

В Англии

В Англию поехала группа профессоров и доцентов Лесотехнической академии. Я каким-то чудом сумела взять с собой мужа, предварительно пройдя строжайший отбор в райкоме партии. Туда мы добирались самолетом. Прошло всего несколько часов и мы оказались в другом, чуждом нам мире. Нас поселили в новой, только что отстроенной гостинице со своеобразными удобствами. Дело в том, что на день кровати в номерах откидывались к стене в специальные ниши. И хотя это было красиво и создавало простор, нам это было непривычно. Мы же лежебоки. Чуть появилась минутка - сразу на кровать.

После завтрака, в который обычно входила какая-то каша, бекон, кофе с булочкой с маслом и стакан фруктового, чаще всего апельсинового, сока мы выезжали на "работу". Нашим гидом был молодой человек, студент Оксфордского университета. Он подрабатывал в летний период. Фамилия его была Волконский. И он действительно был отпрыском князей Волконских. Россию он не знал и не очень стремился к этому. Но держал себя сво-

бодно, шутил, рассказывал анекдоты на русском языке. И вообще был доволен жизнью. Родители, как он рассказал, дома говорили с ним на русском и очень хотели, чтобы он знал русский язык. Но он знал не только русский, а и французский и даже испанский, правда, пока не очень уверенно. А вот Англию он знал хорошо. Во всяком случае, те места, по которым водил нас. Английским, естественно, владел в совершенстве и как гид был подготовлен великолепно.

Когда мы оказались возле его конторы, по микрофону раздался приятный женский голос:

- Принц Волконский, прошу Вас зайти в дирекцию.

В этой чопорной и строгой стране нам довелось увидеть много интересного. Мы посетили шекспировские места, могилу великого писателя. Побывали в Глазго. Заезжали по пути в деревушки, похожие на наши.

В Лондоне осмотрели знаменитую библиотеку с читальным залом, где когда-то занимался Ленин. Кстати, зал, где работал Владимир Ильич, прекрасно оборудован. До сей поры там хранится и оберегается его стол.

Посетили мы известную в Англии площадь Нельсона, где художники за небольшую плату рисовали картинки на картоне и на асфальте. Площадь, как и вся Англия, была чистой, на ней было много голубей, которых никто не прогонял.

Показали нам и парадный выход королевских гвардейцев перед Букингемским дворцом. Одетые в алые мундиры медвежьи шапки-папахи, со шпагами на боку, украшенные аксельбантами согласно чину они дружно маршировали по площади, вызывая неизменный восторг публики, которая толпилась здесь изо дня в день. Впереди шел гвардеец с булавой и размахивал ею в такт шагам и музыке. Рядом - ухоженный с большими рогами козел, символ отряда. За ними - барабанщики и словно балетная труппа, четко отбивая шаг, стройные ряды военных. Картина была потрясающей.

Перед дворцом был разбит партерного типа большой цветник из ярко-алых гераней, ярким пламенем горевших на солнце. И это тоже было красиво, нарядно и строго.

Смотрели мы, как по Темзе плыли разнаряженные катера, пароходики, кораблики, лодки. Они сновали по Темзе, украшая, точнее, скрашивая ее темные воды.

Побывали в мрачном Тауэре, где погибли многие славные люди Англии. А также в знаменитом Гайд-парке. Нам показали трибуну, с которой мог выступать каждый, у кого было что сказать народу. Причем он мог свободно ругать или расхваливать свое правительство. Люди, как правило, не обращали внимания на оратора. Но некоторые останавливались, слушали. Оратор, не обращая внимания на то, что его почти никто не слушает, орал во все горло. Постояли и послушали и мы. Наш гид Волконский пояснил, что очередной оратор недоволен политикой правительства и призывал сменить ее на более удачную и удобную для народа. Стоявший на часах полицейский следил лишь за тем, чтобы не случилось драки, ломки мебели, деревьев, и спокойно предоставлял слово очередному болтуну.

Посетили мы и Ботанический сад в Кью, с его огромными оранжереями, павильонами с крупными пальмами, экзотическими деревьями и кустарниками, полюбовались земным раем из самых разных орхидей. Вот уж поистине чудо природы и рук человека!

Наше внимание привлекли азалии, рододендрон, камелии.

Павильоны украшали фонтаны, ручейки, озера. И в них также плавали лилии, кувшинки, виктория и многие, многие растения водного мира.

Гуляя по паркам Англии, мы изумлялись высокому качеству и стойкости газонов. Они были низкие, ровные, изумрудного цвета, упругие, прочные. Их тщательно оберегали,

постоянно подкармливали, обкашивали специальными газонокосилками. На газонах разрешалось ходить, сидеть, бегать и играть с детьми. На подстилках там лежали влюбленные, открыто и без стеснения целовавшиеся у всех на глазах. Важные дамы восседали в креслах у берегов извилистой речки Серпантин.

В Гайд-парке привлекают красивые лужайки между кустов и деревьев. Высаженные группами весенне-летние цветы цвели ярко и прелестно. Это были белоснежные нарциссы, жонкилии, красные, розовые, желтые, бордовые, попугайные простые и махровые тюльпаны. Цвели высаженные осенью прошлого года, примулы, крокусы, другие луковичные растения. И что удивительно, ни дети, ни взрослые не трогали цветы. Разрешалось только любоваться ими, осторожно нюхать, что делали в основном дети. Разрешалось кормить плавающих в Серпантине уток, лебедей. Парк был устлан дорожками самого разного плана. Были дорожки асфальтовые, набивные, цементные, покрытые корой деревьев или стойкими травами. И все это в зависимости от места в парке. Были дорожки и для наездников. Они были проложены в специальных местах вдали от мест отдыха и прогулочных дорожек. Наездники и наездницы гарцевали в нарядных костюмах амазонок, специально пошитых для верховой езды. Ездовые дорожки постоянно подправляли и следили, чтобы па них не было грязи и пыли.

Несколько слов об Оксфордском университете. Расположенный в небольшом городке на берегу реки, этот университет дал стране и миру множество великих людей, специалистов, членов правительства и дипломатов для Англии и многих, многих стран. Волконский признался, что и его готовят в дипломатический корпус.

Здание Оксфорда большое, мрачное. Окруженное парком и текущей вдоль него речушкой, оно имеет крепкие стены и узкие окна. Комнатки для одного студента маленькие, но довольно комфортные обставленные. Стол, кровать под балдахином, стулья, шкафчики с одеждой, бельем, сладостями и продуктами. С учетом мягкого климата комнаты не отапливаются. Столовая, в которой одновременно питаются и студенты, и преподаватели, он представляет собой большой зал с дубовым столом и жесткими стульями с высокими спинками. Как нам рассказал гид, сидеть за столом положено прямо, выпрямив спину.

Жизнь студентов в Оксфорде складывается из учебных занятий, занятий спортом, отдыха, гулянья по парку, катанья на лодках. Выход в будни из университета не разрешается.

По всей видимости, в память о былых временах, былом могуществе Англии, в гостиницах, где мы останавливались, стены были украшены огромными гобеленами с картинами прошлых битв. Окна занавешивались огромными бархатными шторами. Возле спален и даже на лестницах устанавливались манекены рыцарей, одетые в железные доспехи с опущенными забралами, с мечами и копьями.

Что касается деревушек, то паши ни в какое сравнение не идут с ними. С обеих сторон шоссе построены красивые коттеджи с цветущими палисадниками, прекрасными газонами, с площадками для тенниса, гольфа, крокета. О том, что это деревня, а не город, напоминали лишь мычание коров да хозяйственные постройки за домами. Ну еще пение петухов и поля с посевами. Правда, всюду, где в этом есть необходимость, стоят таблички с коротким словом "привайт", что обозначает "частная собственность". Например, нельзя ходить по лугам, рвать полевые цветы, лежать на чужой траве.

И вот я тоже мечтаю о наших деревнях с отдельными настоящими коттеджами. Ну почему у нас столько домов-развалюх? Почему заборы палисадников возле наших домов разнокалиберные и безобразные? Почему ворота висят на одной петле и болтаются на ветру? Почему у нас нет настоящих улиц и весной, и осенью мы месим грязь? И это длится не годами, а столетиями. А ведь наш русский человек всегда был трудолюбивым. За чем же стало дело? Мне думается, нужен организатор. Настоящий, а не очередной болтун,

сидящий на окладе министра в Государственной Думе.

В Германии

Меня пригласили на всемирную выставку цветов и растений в Эрфурт. Мы проехали полуразрушенный Берлин, побывали возле исторической стены, разделившей Германию на два враждебных лагеря. Гидом у нас была немка, не очень хорошо знавшая русский язык. Муж ее остался по ту сторону стены, и они не могли воссоединиться, хотя не были в разводе. Посетили Дрезден. В дрезденском знаменитом музее я видела портрет Моны Лизы в оригинале, другие шедевры, сохранившиеся после варварской и бессмысленной бомбардировки англичанами, когда война фактически уже была закончена. Это была месть, и понять англичан, которых так же безжалостно бомбили немецкие самолеты в 1941 году, можно.

Побывали мы в германских альпийских горах. На небольшом пространстве там возвышались отвесные скалы, утесы, глубоко в землю уходили пропасти. Скалы соединяли тропинки-мостики, и хотя я бывала на Кавказе, посетила Боржоми, Абастуман, мне не захотелось почему-то ходить по этим мостикам. Словом, впечатление такое, будто здесь ходит леший, в ступе летает ведьма и занимается своим любимым колдовством.

Спала в ту ночь я плохо. По магазинам не ходила. Так сильно подействовали на меня окрестности Дрездена.

А вот в области растениеводства было все иначе. Вкус у немцев не хуже, чем у нас или французов. У них есть чему поучиться.

Ассортимент растений, приемы оформления зеленых объектов, садовая мебель, садовые вазы. Ну например, оформление пешеходных переходов через главные магистрали города в дополнение к световым знакам. Красные и желтые стрелки из живых цветов предупреждают, напоминают, требуют... Старые деревья рубят не под корень, а оставляют пень. В пне делают углубление, насыпают землю и высаживают цветы. В итоге получается красивая ваза. Возле магазинов, кафе, закусочных, выставляются композиции из цветов в красивых глубоких и неглубоких керамических вазах. Нередко над магазином перед входом устраивается цвет 'очная панорама, как бы приглашающая зайти. Красиво оформляются витрины магазинов срезанными цветами.

Липовую аллею в Берлине украшают изящные металлические стулья, кресла, диваны, тумбы. На них любой может отдохнуть, посидеть. Ряды садовой мебели с небольшими разрывами тянутся вдоль всей улицы под липами. Липы мощные, красивые. А сама мебель окрашена в спокойный белый и кремовый цвета. За ней постоянно следят, сметают опавшие листья, смывают пыль. Так что она всегда чистая.

На выставке, состоящей из серии оранжерей и парка цветов, тоже расставлена садовая мебель, только здесь она металлическая.

Первый день мы провели на выставке в оранжереях. Здесь всюду красовались разнообразные растения, составленные в декоративные композиции. Прогуливаясь по засыпанном красной кирпичной крошкой дорожкам, мы ходили от одной к другой, записывали ассортимент, зарисовывали формы композиций. Естественно, не упускали возможность посидеть на диванах, слушали гида, которая сообщила, что здесь никогда не бывает хулиганства, не воруют цветы, не ломают мебель. Тот, кому понравились цветы, может купить их в оранжерее, специально предназначенной для продажи.

Меня поразили клумбы из цветущих гиацинтов: розовых, синих, красных, желтых, белых. Они создавали неповторимую игру красок и блеска.

Запомнились пестрые разноцветные листья из группы кодиэмов, прекрасные посадки

из антуриев с их крупными, оригинальной формы цветками.

Произвел впечатление мир кактусов и других суккулентных растений, умело, с большим вкусом размещенных среди камней и валунов.

Не менее впечатляющими были афеляндры оттопыренные и многие прекрасно цветущие и декоративно-лиственные растения.

Второй день был посвящен посадкам па открытом воздухе и в парке. И здесь мы ознакомились с новыми для нас растениями и формами посадок. Широкие аллеи сменялись узкими, переходя в тропинки. Всюду были расставлены столики и садовая мебель для отдыха и зарисовок цветов или композиций. Много было консультантов, которые охотно давали консультации и пояснения. И всюду - чистота и порядок.

Клумбы окаймляли топкие бетонные поребрики. Они придавали четкость и выразительность цветочной композиции. Посадки цветов чередовались с фигурно подрезанными хвойными кустарниками. И все это создавало единое целое. Причем кустарники располагались так, что от низких клумб к высотным растениям осуществлялся плавный переход. Парк цветов незаметно переходил в парк, окружающий Эрфуртскую выставку.

С другой стороны выставки открывался вид на гористую местность. *Горы* как бы окружали ее, создавая чарующее впечатление.

Из интересных новинок были водные устройства, состоящие из нескольких водоемов правильной геометрической формы, выполненные из стекла. Вода в них переливалась из сосуда в сосуд, а сами водоемы пересекались дорожками из шершавого стекла. Вода доходила почти до поверхности стеклянной дорожки. Дорожки были прочными, и по ним разрешалось (только взрослым) совершать прогулки. Создавалось впечатление, будто ты идешь по воде. Особенно интересно смотреть было с берега за гуляющими будто бы по воде. Для детей были устроены ванны-бассейны, где они с удовольствием плескались, визжа от радости.

В павильончиках, будочках, размещенных тут же, продавались напитки, мороженое, пиво, излюбленные немцами сочные горячие сосиски с кетчупом с белой вкусной булочкой из белой муки.

В парке много развлекательных устройств для детей и взрослых, дорожек для велосипедов, колясочек, карет, запряженных пони.

В самом парке росли вековые деревья, многолетние кусты, имеющие яркую окраску листьев. Красные, желтые листья создавали свою неповторимую ауру. Причем и кусты были посажены одиночно или на фоне зеленолистных растений. Было много хвойных пород. Они также удачно чередовались с лиственными деревьями. Пешеходные дорожки подводили к ажурным мостикам через ручьи.

По парку гуляли важные дамы с собачками, чаще болонками, на руках или на цепочках. Господа прогуливались с тростями и сигарами в зубах. И это было так артистично, явно с расчетом на публику, что у нас, непривычных к этим тонкостям, вызывало улыбку. Молодые мамы катили впереди себя колясочки с детьми. Словом, мирный уголок ничем не напоминал агрессивность Германии.

На этом я закончу рассказ о путешествиях по Европе и перейду к рассказу о поездках по России, Кавказу, Крыму.

В России

Начиная с 1954 года, мы с моим мужем Николаем Павловичем ежегодно ездили по стране и чаще всего на юг, включая Севастополь. Севастополь, конечно же, забываем. Глубоко врезавшиеся в берег заливы, павильон-аквариум, сотни видов представителей морских глубин, панорама.

В Крыму вызывали интерес Алупка, Алушта, их дворцы и парки, вечнозеленые лавры, лавровишни, магнолии, листопадные деревья и... купание.

В Семеизе мы взбирались на скалу Дева и Диво на смотровую площадку, откуда любовались прозрачными изумрудными водными просторами безграничного моря. Находились смельчаки, которые прыгали со скалы в море. Я не рискнула.

В Алупке, она находится в 13 километрах от Ялты, мы побывали в великолепном мавританском дворце князя Воронцова. От дворца к морю там идет мраморная лестница. По ее бокам стоят мраморные львы. Именно в этом дворце встречались Рузвельт и Сталин на переговорах по Германии. Неподалеку от дворца расположилась *гора*. Ай-Петри. Вот на нее мы и взобрались. На вершине горы и в пещерах лежал снег, было холодно, и это в то время, когда у подножья была жара. Мы ползали по каменистым обрывам бывшей каменоломни.

Дворец окружен большим дивным парком с роскошной субтропической растительностью. Остановились на ночь в гостинице, размещенной в бывшем монастыре. Часть монахов по-прежнему проживала в монастыре, точнее, в небольшом зданьице на территории монастыря.

У подножья горы, по преданию, был колодец с целебной водой. Говорили, что тот, кто искупается в холодной как лед воде, тот будет долго жить. Я, заплатив монаху денежку, быстро разделась и, замирая от холода и страха, дважды окунулась в воду. И в самом деле, я испытала непередаваемое ощущение свободы тела и духа, бодрость и радость. Словом, что-то удивительное и неземное. Может быть, я потому так долго живу, что искупалась в этом источнике.

В Алуште, что в 30 км от Ялты, жили татары, мы купались, любовались на горы, особенно на неприступный Чатырдаг. Вокруг Алушты много дач и поместий. Как и Алупка, это один из лучших курортов страны. Особенно приятно посещение Алушты для мужчин. Именно там в подвалах стоят дубовые бочки с вином, возрастом в несколько сот лет. Крымские вина славятся на весь мир. Наши мужчины с наслаждением пробовали вина, изучали сорта, интересовались, какие из них на человека действуют благотворно, какие пьют ради удовольствия, какие во время еды.

Запомнилось посещение Красной Поляны в 90 км от Сочи. Добирались гуда на автобусе по красивой горной дороге. Ночевали в маленьких туристических палатках. Места очень красивые. Но со мной случилось происшествие. На берегу озера я вздумала встать на бревно, что было уложено вдоль парапета, бревно выскользнуло из-под моей ноги и, если бы не муж, подхвативший меня, я могла бы очутиться под бревнами. Там же, лазая по обрывистым скалам, я оступилась и соскользнула вниз. Муж опять успел меня подхватить и оцарапанную и злую вытащил из расщелины. В сердцах он бросил:

- Если ты не перестанешь рисковать, мы сейчас же вернемся домой! Бывала я и в Сухуми, и в Батуми. С Сухуми у меня связано воспоминание послевоенных лет, когда я некоторое время работала в Управлении горисполкома. Так вот, нашему садово-парковому Управлению подчинялись, кроме близлежащих и находящихся в самом Ленинграде Петроградского комбината, его филиалов. Таврического, Выборгского, Пулковского питомников, Цветочно-оранжерейного хозяйства в Пушкине, больших хозяйств в Зеленогорске и Сестрорецке, еще Сухумское и Батумское.

Из Сухуми к нам в Ленинград поступали пальмы, рододендроны, камелии, серебристые ели. Стало известно, что часть продукции директор сбывает на сторону. Для проверки этого факта туда послали главного инженера Управления и меня.

Это была замечательная поездка. Сухуми -прекрасный приморский город и порт на Черном море, столица Абхазии. Абхазы - народ радушный, гостеприимный,

трудолюбивый. И тем более, было странно получать оттуда третьесортную продукцию и в небольших количествах.

Вечером, после нелегкого трудового дня нас приглашали за стол. Отказаться было невозможно. Это расцепилось бы как оскорбление. Не знаю, радушное это было гостеприимство или показное, но все прошло великолепно. Столько хвалебных речей в свой адрес я не слышала, пожалуй, даже от нашего председателя Совета ветеранов Лесотехнической академии Геннадия Артемьевича Мурашева. Тем более, что директора мы все-таки сняли. Тамада, произнеся речь в мою честь, объявил, что я и красивая, и работоспособная, и смелая, и с твердым характером. Причем во время его речи я должна была стоять и молча выслушивать все, что он говорил.

Наевшись и напившись, абхазы стали петь, потом плясать. Пляски у них зажигательные. Потом всей гурьбой пошли провожать нас. Стояла тихая лунная ночь. Сверкало море. Трещали цикады. И эта бархатная ароматная ночь, нежные всплески морских волн, запомнились мне на всю жизнь.

Из Сухуми на пароходе мы перебрались в конечный пункт пашей Родины - Батуми. Дальше была Турция.

Батуми - очень важный портовый город. Он же - последняя железнодорожная станция СССР. Через Батуми перегонялась нефть из Баку в Турцию. А вокруг города разбросаны многочисленные чайные плантации.

Есть в городе и Ботанический сад. Великолепный, богатый. Но еще богаче Ботанический сад в Зеленом Мысу. Он славится среди садоводов мирового масштаба. Основателем его был наш соотечественник, известный ботаник и географ Краснов Андрей Николаевич. Изучив климат Батуми, где, по существу, лишь три времени года - весна, лето и затянувшаяся осень — и объездив страну вдоль и поперек, он пришел к выводу, что климат Аджарии позволяет создать Ботанический сад мирового значения.

К тому времени, когда я посетила Ботанический сад, он занимал, ни много, ни мало, 100 гектаров земли. Это был сад-парк, обойти который в течение одного дня было невозможно. Сам Андрей Николаевич, успев заложить Ботанический сад, умер в 1914 году, и по его просьбе похоронен в этом же саду, в наиболее живописном уголке с видом на море. Посетители обязательно ходят поклониться создателю этого удивительного по своей красоте мира. Ходила на его могилу и я.

Так что интересного заложил Андрей Николаевич Краснов? Неутомимый, бескорыстный, нередко за свои кровные покупая растения, он посадил в саду виды, привезенные из Японии, Китая, Австралии, Восточной Азии. Упорядочил размещение богатейших и редких деревьев Аджарии. Ведь такие деревья как восточный бук, каштан настоящий, граб кавказский растут не везде. А там они - у себя дома.

Под этими вечнозелеными деревьями растут вечнозеленые кустарники: рододендрон понтийский, лавровишня лекарственная. Среди трав можно было увидеть иглицу подолистую, папоротники. На деревьях много лиан. Из citrusовых Краснов посадил лимоны, апельсины, мандарины. Кроме того, привил прекрасный по своим полезным и вкусовым качествам плод под названием хурма. Тут же росли бамбук, тунг, магнолии, эвкалипты, камелии, криптомерии, сосны. Наконец, чай.

Всего же Андрей Николаевич высадил в Ботаническом саду свыше 15000 видов самых различных растений. А такие виды как мушмула, авокадо, пробковый дуб, лавр благородный, легестремия прижились с его легкой руки сразу. Служащие сада так привыкли к этим растениям, что и не представляют, что когда-то их не было на территории Аджарии. Что грейпфрут, например, лимон, апельсин - пришельцы из Китая.

Запомнилась поездка в Батуми еще и тем, что оттуда с одной стороны видны были горы Турции, а с другой - море. А это уже интересно: чужая, капиталистическая страна. Буквально за горой шла своя, непохожая на пашу, жизнь. Какая она? Как они там живут?

Лучше? Хуже?

Затем я посетила Сочи, Гагры, Новый Афон, Геленджик. Во время отпусков мне довелось побывать в Прибалтике. И от посещения ныне чужих нам Латвии, Литвы и Эстонии у меня остались не менее замечательные воспоминания, чем от поездки по нашему югу.

В Прибалтике

Латвия. Добрались мы туда на экскурсионном пароходе, курсирующем между Ленинградом и Англией. Столица Латвии - Рига. Через весь город протекает река Даугава, которая и делит его на старую и новую части. Старая состоит из небольших домиков и тихих улочек. Новая - из новых домов и широких улиц. Посередине главной улицы, ведущей от вокзала, высажены деревья, кустарник, цветы. По этой аллее протекает ручей, который ночью подсвечивается электрическими лампочками, что создает невероятно чарующее впечатление.

На кладбище летчиков осмотрели статую Я.Райниса, известного латышского поэта и драматурга.

Посетили парк. Парк большой, красивый. Запомнились приемы оформления тропинок, ступенек из деревянных спилов. Но должна признаться, ступени из спилов не очень удобны. Поэтому большинство посетителей при восхождении пользовались дорожками, которые проходили рядом.

А вот на газонах проложены были дорожки и очень удобно было гулять. Суккулентные растения были посажены открыто, близко. Их можно было рассматривать, наклоняясь прямо с дорожки, тут же стояли изящные этикетки, не нарушая облика альпинария.

Не могу не рассказать, как нас с мужем не пустили в ресторан только потому, что на мне вместо чулок были лишь носки.

- Пожалуйста, даме без чулочков в ресторан заходить не полагается, - объявил нам солидный (ему бы баржи толкать) в золоченой ливрее швейцар.

Пришлось идти обедать в обычную дешевую столовую.

Эстония, еще менее дружелюбная к русским страна, встретила так же настороженно. Мы посетили Нарву, Кохтляярве, Тарту, Пярну, постояли на берегу Финского залива в Таллин-нс и издалика посмотрели на прекрасную Русалку, с тоящую на берегу моря.

Наиболее чистый и приятный город Эстонии

- Пярну. В Пярну мы жили в пансионате. Там прекрасный песчаный, в отличие от каменистого в Абхазии, пляж. Большой ресторан прямо на берегу моря. Узенькие, опрятные улочки состоят из магазинчиков. По побережью расположены небольшие дачки. Возле каждой дачки

- садик, полисадничек. И хотя заборчики тоже, как и в России, разнокалиберные, но здесь они красивые, опрятные. Заборы, стены домов обвиты растительностью. Один дом обвит клематисами. Возле другого садик засажен белыми, розовыми и голубыми гортензиями. Третий хозяин устроил клумбу из георгин и гладиолусов.

Были розарии, но не было повторений. В цветниках выставлялись керамические игрушки: гномики, грибки, лягушки.

Гордость Пярну - залы с янтарем. Там же можно купить изделия из янтаря. Причем не только желтого, но и белого, коричневого. На специальном постаменте разместились глыбы янтаря. А также различные художественные произведения: вазы, корабли, чаши, тарелки.

Пярнусский парк расположен вдоль моря. В нем растут экзоты. Но особенно поражают статуи и фигуры народного пафоса. По воскресеньям на берегу моря играет духовой оркестр, собирая парод, который рассаживается на

108

скамьях непосредственно перед эстрадой. Аромат цветов, кусты, кустарники - все это создает непередаваемое впечатление.

Таллинн интересен и тем, что в нем имеется крепость Вышгород с тюрьмой Толстая Маргарита, где в 1906 году после поражения на крейсере "Память Азова" содержались арестованные моряки. После суда приговоренных к расстрелу моряков расстреливали в крепости, укладывали в телеги и везли к берегу, где стоит Русалка. Там трупы перегружали на баржи, вывозили в открытое море и, привязав к ногам груз, топили. Сама крепость окружена толстыми кирпичными стенами, вдоль которых вьется дорога. Гуляя по этой дороге, можно увидеть старый Таллинн, его узкие улочки, соборы, парки, а вдали, за чертой города, хвойные леса.

К Вышгороду ведут две дороги. Одна называется Короткая нога. Крутые ступени приводят к воротам крепости. Подниматься по ним трудно и безрадостно. С другой стороны - Длинная нога. По ней поднимаются экипажи, автомобили, телеги.

В самой крепости стоит древний храм, о котором ходят разные поверья.

Улочки в крепости такие же узкие. Такие, что встречным автомобилям, даже легковым, не разъехаться. Однажды мы даже наблюдали, как ругались два эстонца, встретившись на бривках в середине такой вот улочки. Кто-то из двоих вынужден пятиться, чтобы дать проехать встречному.

Со стен крепости открывался вид на дома города, их крыши. Крыши там не поддаются описанию. Это остроугольные, полуовальные, косые, прямые. Красные, коричневые, желтые, зеленые, черные... Сами по себе дома высокие, с узкими окнами-щелями. Это, надо полагать, от врагов, чтобы не могли войти. Как в Англии:

"Мой дом - моя крепость".

В порту стоят пароходики, разноцветные лодки. Нам удалось погулять по улицам Пикк, Виру, побывать в Пирите.

Эстонцы очень любят природу. С детства приучают детей к порядку. Я сама наблюдала, как эстонский школьник, увидев оторвавшуюся виноградную лозу, подошел, прикрепил ее на старое место и, довольный своей работой, улынувшись, побежал в школу.

Обломки кирпичей, шифера, деревянных построек они укладывают вдоль забора, присыпают землей, создавая неповторимые альпийские горки.

Интересно было гулять по длинному, далеко в море выступавшему настилу, к которому подплывали лодки для обслуживания отдыхающих и туристов.

На берегу, вдоль настила, тянулся песчаный пляж. Пляж был засеян ивами, среди которых можно было загорать, играть в карты, просто лежать.

Литва. Вильнюс. Впечатление от этого, в общем-то, симпатичного города испортили отношение к нам самих литовцев и их личные взаимоотношения. С первой же минуты пребывания на литовской земле мы почувствовали к себе весьма недоброе отношение. Спросишь, в какой стороне филармония - показывают в противоположную. Стоишь в очереди в ресторан, именно на тебе гардеробщик (гардеробщики там почему-то в основном мужчины) прекращает прием одежды, зонтов, сумочек. И можно простоять целый час, пока он соизволит принять у тебя куртку или зонт. Если же ты попытаешься заявить, что места в ресторане есть, он сейчас же вызывает милицию и на своем языке гневно разъясняет милиционеру "неприличное" поведение русской женщины.

Милиционер тут же спрашивает твои документы, обвиняет в нескромности и т.д.

Когда мы проходили по улице, нас обогнала бегущая женщина. Она кричала. Кричала так, будто ее собираются убить. И в самом деле, за ней гнался здоровый литовец. Догнал, схватил за волосы и поволок обратно. И что удивительно, ни один прохожий не заступился за женщину. Даже не среагировал.

Эта дикая сцена окончательно убила у нас всякое желание осматривать город, и мы уехали в Ковно, теперь Каунас. Но и Каунас не вызвал особого интереса. Серые, узкие улицы. Острроверхие крыши. Узкие окна-щели. И притом, что город был чисто выметен, желания остаться в нем мы не почувствовали.

Настроение сменилось, когда мы переехали в наш город, в Калининград. Красив, удобен для прогулок, на побережье хорошие пляжи. Правда, западная культура наложила свой отпечаток и на этот город. Однообразные здания из красного кирпича образуют прямые улицы. Богатые магазины. Но гораздо интереснее показалось нам на противоположной стороне пролива, куда мы добрались на плоту. Мы очутились в мире высоких песчаных дюн. Карабкаться по сыпучему песку было нелегко. Зато, взобравшись на гребень огромной горы, ты мог наслаждаться неповторимой картиной, открывающейся перед твоим взором. Во-первых, море. Бескрайнее, темно-синее море с барашками на гребнях волн. Во-вторых, невдалеке виднелась, как утверждал экскурсовод, дача Гитлера. Затем - леса, долины, дачные участки.

Но самое необыкновенное и замечательное, это когда идешь по гребню дюны и видишь справа море и слева море. Зрелище незабываемое.

Вернувшись, мы поехали по прекрасно заасфальтированным дорогам на прогулку. По пути заходили в костелы, ходили по улочкам. Зарисовывали наиболее интересные композиции из цветов и кустарников.

Словом, поездка в Литву также обогатила нас, хотя и не вызвала радости общения с населением.

Во Львове

Львов - фактическая столица Западной Украины. Он всегда был настроен на Запад. Даже после освобождения его от оккупации. Сам по себе город своеобразный. Расположен на холмах. Парки занимают значительную площадь. Особенно большой Стрыйский парк. Достаточно чистый, но размещен на холмах. Растительность обычная. Но поскольку климат здесь мягкий, то и растет она буйно, щедро. Хороши белые березы. Кусты бузины. Дубы окружают кафе "Черный лебедь". Много полян, павильонов. Есть тир. И, разумеется, пивные ларьки. Пиво здесь хорошее. Но вот маленькая деталь.

Стоит российскому офицеру подойти к ларьку, как возле него собирается группа западных украинцев и один из них, нагло наступая на русского, предлагает:

- Давай выпьем за самостийну Украину.

- Да, да - подхватывают остальные, окружая плотным кольцом офицера. За самостийну Украину.

И горе тому, кто не сумел выкрутиться, оторваться от этой архипатриотически настроенной банды. Тут же они что-то придумывают пакостное. Доводят дело до скандала и, как правило, не медля тащат офицера в комендатуру, докладывают командиру части.

Не любят нас на Украине. Особенно "западники". Вот во что вылилось ельцинское "берите суверенитета сколько хотите". И хотя сам по себе Львов достаточно красивый город, ездить туда не хочется.

Основан Львов в 1250 году. Город старинный. На его территории много старинных памятников. Во Львове обосновался филиал Академии наук Украины. Есть университет. В те времена он носил имя Ивана Франко. Завод, выпускающий телеграфную аппаратуру.

Фабрика по выпуску велосипедов. Крупный железнодорожный узел. Завод по выпуску стекла. Хороший театр. Традиционно львовский театр поддерживает добрые отношения с театром оперы и балета Перми. На все лето сюда приезжают лучшие танцоры Перми, и львовяне имеют возможность посмотреть спектакли в прекрасной постановке у себя дома. "Спартак", "Лебединое озеро", "Спящую красавицу", "Щелкунчика", "Жизель", "Анну Каренину", "Ромео и Джульетту" и многие другие спектакли посмотрели львовяне, не выезжая в другие города.

Есть во Львове действующий костел. В нем проходит конфирмация девочек и мальчиков. Одетые в пышные белоснежные фартучки и красные костюмчики, дети уже видом своим создают радость. И если до начала конфирмации они считаются еще детьми, то по окончании ее выходят из костела уже взрослыми. Их встречают родители, родственники, друзья. Как правило, встречают с цветами (особенно хороши там розы), с подарками, подношениями. Кстати, тут же на паперти продаются свечи, крестики, веночки на голову, ладанки, флакончики со святой водой, искусственные цветы. Все продумали руководители церкви, до мелочей. Обо всех позаботились: и о бедных, и о богатых. Вот как надо строить воспитательную работу. Думать надо, искать путь к сердцу избирателя. Конфирманты, возвращаясь домой, попадают за праздничный стол, и еще долго в семье будет царить праздник и радость.

Из окна гостиницы, где мы разместились, виднелись две дороги: одна уходила па Запад, другая в небольшой туристический городок Мукачево.

О второй нам рассказали притчу, а может быть и правду - кто знает? Дорога на Мукачево извилистая, впрочем, как и все дороги перед Карпатами, крутая и даже обрывистая. В прежние времена неподалеку от нее жил богатый помещик. Он купил машину, окрасил ее в серебристый цвет, покрыл лаком, чтобы она блестела па солнце, и стал кататься на огромной скорости по этой дороге, ослепляя встречных. Но однажды на крутом повороте солнечные лучи отразились от вертикальной скалы, ударили ему в глаза и ослепили. Не справившись с управлением, помещик сорвался с крутизны в ущелье и разбился.

Во Львове бережно относятся к могилам. На высоком холме построено красивое кладбище. Оно так и называется "Холм Славы". Неподалеку от военного училища на перекрестке дорог стоял великолепный памятник советскому разведчику Герою Советского Союза Николаю Кузнецову. Не знаю, стоит ли он сейчас.

В Карпатах

Несколько слов надо сказать о Карпатах. Карпаты делятся на Западные, Восточные и Южные. Карпаты проходят по Чехословакии, Румынии, Польше, Российской Федерации. Покрыты лесами. На Карпатах есть изумительные по красоте луга. С Карпат стекают реки Тисса, Висла, Днестр. На Карпатах не задерживается снег и лед. Горы содержат много различных полезных ископаемых, включая нефть и каменную соль. На Карпатах широко развито овцеводство. Овцы бродят по бархатисто зеленым долинам. Их охраняют молодые пастухи, в красивых национальных костюмах и своеобразных шляпах с кнутом и палкой в руках. Пастухи поют песни. И когда проезжаешь мимо, невольно заслушиваешься. Украинские песни певучи и музыкальны. Сами пастухи легко вступают в разговор.

Проезжая мимо монастыря, мы остановились возле колодца попить воды. Монах, охраняющий монастырь, рассказал, что вода в колодце не простая. Она придает человеку храбрость, стойкость, здоровье. Налитая в освященную бутылку, вода сохраняется долго и остается такой же свежей и целительной. Я тоже привезла с собой этой воды. Может быть, и она тоже прибавила мне сил? Кто знает...

Гостиница в Карпатах расположена в строгом, красивом, двухэтажном здании,

выполненном из бревен, отесанных снаружи.

Неподалеку от гостиницы расположились деревушки, окруженные прекрасными садами, где росли яблони, груши, деревья грецкого ореха. Орехи продавались мешками и недорого. Купили и мы мешок. Орехи были покрыты тонкой корой, ароматные и очень вкусные.

В домах чисто, уютно, красивая мебель. Мебель изготавливалась в Мукачево на мебельной фабрике.

Мы покупали у монахов дешевое красное вино и купались в Тиссе. Судьба этих мест трагична. По окончании Великой Отечественной войны и передела территории Западной Украины некоторые деревни были перегорожены колючей проволокой. Так и получилось, что одна часть деревни относилась к Украине, другая - к Венгрии, Чехословакии или Румынии. Распались родственные связи: отец с матерью здесь, сын с женой - там. Мы были свидетелями, как женщина подходила к изгороди и кричала:

- Мишутка, подь ко мне, я пельменей тебе сварила.

Случалось и наоборот, когда дочь выкрикала мать или отца. Охрана, стоявшая по эту или ту сторону, с пониманием относилась к диалогам. Тем более, что жители охотно делились подарками с охранниками. Вот уж поистине человек приспосабливается к невзгодам.

Мукачево, где мы остановились в конце своего путешествия, представляет собой небольшой чистенький городок. Находится он в Закарпатской области на границе с Венгрией. Весь засажен цветами. Цветы располагаются в подвесных корзинах под окнами, у входа, над калитками, на верандах. Вокруг - фруктовые сады и опять же ореховые деревья. Мы сняли комнату, обставленную великолепной мебелью. Эта комната специально сдавалась туристам. Хозяева в ней не жили, и она всегда была чистой и опрятной.

Хозяйка дома - простая, милая женщина, видимо, молдаванка.

- Будьте добреньки, - сказала она, - не царапайте мебель, другой мне такой мебели уже не куплять.

Так и сказала "не куплять". И мы пообещали вести себя скромно. А потом выяснилось, почему она просила нас не портить мебель. У соседей останавливались русские. Так вот они неосмотрительно поцарапали буфет и уехали, не заплатив за испорченную мебель.

Не очень приятно было это слышать. Но может быть это были не русские? Местные жители не очень разбирались в национальностях туристов.

В Белоруссии

В последние годы я уже никуда не езжу. Разве что в Белоруссию к младшей моей сестре Аллочке, где она живет со своим мужем и детьми. Минск я люблю. Он достаточно красив. В нем много современных зданий. И сегодня трудно, просто невозможно представить, что он был разрушен в годы войны дотла.

Минск разместился на реке Свислочь. Это крупный промышленный и культурный центр. В нем работает университет, построены крупные заводы, фабрики, много театров. Причем есть театры, где спектакли идут только на русском, а есть и такие, где преимущественно используется родной белорусский язык.

На правой стороне реки создан уголок старого Минска. Очень своеобразный и интересный. Узенькие улочки, маленькие дома, мелкие торговые предприятия. Например, такие как сапожная мастерская с висящим над ней сапогом. Булочная с подвешенными имитациями калача, бублика. А также харчевни, книжные лавки, кабачки, закусовые, где по-

даются национальные блюда прошлых лет, приготовленные из картофеля и теста. Пища тяжелая, непривычная, но сытная. Мне понравилась. Мужчины пили горилку, просто-квашу и чай.

В старину крестьяне, приезжавшие в Минск, были неграмотны и магазины узнавали по предметам, вывешенным над дверьми. Как память о прошлом, есть такой уголок с магазинами, которые вывешивают продаваемые предметы над дверьми, и в Минске.

В столице славной сестры нашей Белоруссии много красивых улиц, садов, парков, памятников. Красив бьющий фонтан в парке. Русалки, размещенные в его середине, очаровательны. По реке белоруссы катаются на лодках, водяных велосипедах.

Минск окружен поэтическими лугами, которые перемежаются с березовыми рощами и сосновыми борами. Близ города расположены дачи, они построены и государством, и минчанами. Так что можно приехать, снять дачу и хорошо отдохнуть. Тем более, что в многочисленных водоемах много рыбы, и это настоящий праздник для рыболовов.

Но самый запоминающийся объект в Белоруссии - это Хатынь. Кто не был там, не видел памятников погибшим, тот не может даже представить себе трагедии, которая постигла Белоруссию в годы Великой Отечественной войны. Хатынь - это деревушка, которую сожгли фашисты вместе с людьми. Людей загнали в дома, в сараи и подожгли. От деревни остались одни печные трубы. Эти трубы, обновленные, стоят и поныне и по ним люди определяют место нахождения бывших построек.

Мемориал оглашается звуком колокола, который периодически гудит в память о погибших. Сама деревня окружена зелеными лугами, рощицами из белоствольных берез - символов Белоруссии и России. Они склонили свои нежные ветви над прахом погибших. Здесь есть три колодца, куда посетители бросают монетки. Здесь продаются книги, брошюры, рассказывающие о зверском уничтожении людей Хатыни.

Уезжали мы потрясенные и грустные.

Посетили мы и Гору-символ. Ее опоясывает дорожка, по которой можно попасть на смотровую площадку, в центре которой возвышается столб с тремя знаками: России, Белоруссии и Украины. Именно здесь, в районе этого холма, встретились армии, сокрушившие немецкие полчища. У подножия холма разбит цветник с водоемом, возле которого стоят скамейки, тут же имеется небольшой павильон с едой и питьем. Сюда постоянно приезжают школьники Минска. Им рассказывают о том, что Белоруссия потеряла каждого четвертого в годы войны.

Издательская деятельность

Как я уже сообщила, я написала учебник по цветоводству, множество методических указаний и учебных пособий. Но это было лишь началом моей писательской деятельности. За свою жизнь мне удалось опубликовать свыше ста наименований больших и малых произведений. Таких как "Методические указания к лабораторным работам с растениями, рекомендуемыми для зон отдыха", а также по содержанию декоративных растений при искусственном освещении - тонкие книжечки. А вот "Приусадебное цветоводство" (СПб. Издательство Диамант. 1996.), "Цветы в комнате и на балконе" (Москва. Издательство "Колос". 1997), "Растения в питании и лечении" (Лениздат. 1998), "Цветоводство" (Агропромиздат. Диамант. 1998) - это уже солидные подарочные издания, особенно хороша книга "Цветоводство". В твердой добротной обложке с цветными фотографиями по тексту, объемом в 49 печатных листов (для непосвященных - 465 страниц), она доставляет радость тому, кто берет ее в руки.

И здесь я просто обязана назвать имя того человека, который помог издать это замечательное творение. Это Доброхотов Александр Александрович. И вот уже добрый десяток

лет мы издаем с ним красочные книги по цветоводству. Я с радостью продолжаю трудиться за пишущей машинкой, и, видимо, творческий труд продляет мне жизнь, потому что я приношу людям радость.

Родина щедро оценила мой труд. Я награждена медалью "За оборону Ленинграда", медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", серебряной медалью за успехи в народном хозяйстве СССР, тремя бронзовыми за успехи в народном хозяйстве. Всего у меня 15 медалей.

Я имею 8 изобретательских свидетельств.

Мое имя занесено в Книгу Почета Лесотехнической академии.

А в 1999 году ученые Петровской академии наук и искусств избрали меня своим Почетным членом.

Почетное звание академика ПАНИ я расцениваю как венец моей многотрудной, но интересной жизни. И я счастлива тем, что своим трудом кому-то доставила радость.

Список работ, опубликованных Г.К. Тавлиновой к 92-му году своей жизни

1. Буртование георгин. 1948. Статья в газете.
2. Многолетние цветы в садах и парках Ленинграда. Лениздат. 1956. 10 печ. листов. В соавторстве.
3. Декоративные многолетники. Лениздат. 1958. 17 печ. листов. В соавторстве.
4. Гортензия. 1959. Всероссийское общество по охране природы. 1959.
5. Двулетники. Лениздат. 1961. 2 печ. листа.
6. Черенкование многолетников в открытом грунте. Журнал "Цветоводство". 1960.
7. Размножение декоративных растений зелеными черенками в открытом грунте. Сборник работ. Лениздат. 1961.
8. Цветоводство открытого грунта. Лениздат. 1963. 13 печ. листов.
9. Особенности укоренения травянистых черепков в открытом грунте. Сборник работ научно-технического общества зеленого строительства. 1963.
10. Китайская лилия. Лениздат. 1 печ. лист. 1966.
11. Гидропоника и цветы. Лениздат. 3,72 печ. листа. 1966.
12. Размножение декоративных растений листовыми черенками в открытом грунте. 1969.
13. Выращивание овощей и цветов на ио-нитной смоле. Лениздат. 6 печ. листов. 1976.
14. Звукопоглощение с помощью растений. Журнал "Деревообрабатывающая промышленность". № 4. 1980.
15. Зеленый акустический барьер. Статья в изд-стве ВНИПИЭИлеспром. В соавторстве. 1982.
16. Цветы в комнате и на балконе. Агро-промиздаг. 19 печ. листов. Первое издание. 1982.
17. Цветы в комнате и на балконе. Агро-промиздат. Расширенное и дополненное издание. 19 печ. листов. 1985.
18. Цветы в комнате и на балконе. Агро-промиздат. Третье расширенное и дополненное издание. 19,65 печ. листа. 1990.
19. Приемы цветочного оформления. Рос-сельхозиздат. 10 печ. листов. В соавторстве. 1985.
20. Декоративные растения в интерьере. Журнал "Крестьянка". № 2. 1986.
21. Приемы цветочного оформления комнат. Журнал "Крестьянка". 1987.
22. Календарь описания культур по времени года с цветными иллюстрациями. Лениздат. 1967.
23. Приусадебное цветоводство. Агропромиздат. 24,55 печ. листа. 1989.

24. Озеленение дома. Прага. Изд-во "Планета". 13,4 печ. листа. На чешском языке. 1990.
25. Ранние весенние цветы. Лениздат. 5,5 печ. листа. 1990.
26. Озеленение дома. Прага. Изд-во "Планета". 13,4. печ. листа. На чешском языке. Второе издание. 1996.
27. Фикус. Сборник "Комнатные цветы". Лениздат. 2 печ. листа. 1956. Общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов.
28. Ранние весенние цветы. Лениздат. 3 печ. листа. 1990.
29. Травы к столу и в аптечку. Лениздат. 1 печ. лист. 1992.
30. 50 плодов и трав для косметики. Лениздат. 4. печ.листа. 1993.
31. Уход за комнатными растениями. Лениздат. 3 печ. листа. В соавторстве. 1954.
32. Цветы в вашем саду. СПб. Агропромиздат. 3,12 печ. листа. 1994.
33. Комнатные растения. Лениздат. 18 печ. листов. 1995.
34. Травы в кулинарии и косметике. СПб. Агропромиздат. 7,4 печ. листа. 1995.
35. Комнатное цветоводство. Изд-во "Диамант". 26 печ. листов. 1996.
36. Приусадебное цветоводство. Изд-во "Диамант". 31,5. печ. листа. 1996.
37. Цветы в комнате и на балконе. Москва. "Колос". 20,6 печ. листа. 1997.
38. Комнатное цветоводство. Изд-во "Диамант". 20 печ. листов. 1998.
39. Приусадебное цветоводство. Диамант-Агропромиздат. 31,5 печ. листа. 1998.
40. Растения в питании и лечении. Лепиздат. 12,1 печ. листа. 1998.
41. О влиянии продолжительности освещения на корнеобразования у декоративных растений. Ленинград. Сборник "Сад. Парк. Зеленое строительство". 1952.
42. Применение пенополиуретана для выращивания растений. Методические указания. Ленинград. РИО ЛТА. 1,5 печ. листа. 1976.
43. Цветоводство. Диамант-Агропромиздат. 40,02 печ. листа. 1998.
44. Цветочные растения в питании и лечении. Диамант-Агропромиздат. 28 печ. листов. 1998.
45. Приусадебное садоводство. Пятое издание. Изд-во "Диамант". 27,2 печ. листа. 2000.